



НИКАКИХ  
ЗАПРЕТНЫХ  
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ГЕЙШИ

Ольга Володарская

**Последнее желание гейши**

«ЭКСМО»

2008

## **Володарская О. Г.**

Последнее желание гейши / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2008

Их было восемь... Восемь экзотических девочек, продающих свою любовь в элитном борделе. Самой шикарной среди них была Афродита. Прекрасная, как ее знаменитая тезка, она считалась лучшей из лучших в своем ремесле... Она и погибла первой! Афродиту застрелили в собственной постели, когда ее подруги и соседки Марго не было дома... А вслед за ней убили еще одну девочку мадам – Венеру... Девушек осталось всего шесть. Но Марго чувствовала – будет и третья жертва...

© Володарская О. Г., 2008

© Эксмо, 2008

## Содержание

Часть 1	5
Митрофан	5
Марго	12
Базиль	17
Марго	27
Митрофан	36
Марго	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

# Ольга Володарская

## Последнее желание гейши

### Часть 1

#### Митрофан

##### *День первый*

Старший следователь Митрофан Васильевич Голушко ненавидел сало. Ему не нравилось в нем все: вкус, вид, запах, даже звучание этого слова казалось ему отталкивающим. Еще он терпеть не мог вареники, не пил горилку, не ел борщ, а что такое галушки, представлял весьма отдаленно. Но, несмотря на это, все его коллеги были уверены в том, что старший следователь Голушко ни дня не может прожить без сала и прочих хохляцких радостей. И сколько бы он ни пытался доказать сослуживцам, что жиру убитой свиньи предпочитает сыр, а горилке квас, никто ему не верил. Именно поэтому на всех сабантуях, кои в следственном отделе проводились не реже одного раза в месяц, Митрофана сажали рядом с тарелкой «хохляцкого хлеба», а напротив него ставили «Немировскую перцовку». Всем казалось, что человек с такой фамилией и внешностью просто обязан квасить «ридну горилку», закусывая ее шматом сала...

Пожалуй, именно внешность сослужила Митрофану плохую службу, ведь были в их отделе и другие «ко», был майор Ткаченко, лейтенант Михеенко, но тех не держали за «салолюбов», потому что оба имели вполне ординарные среднерусские лица, зато Голушко выглядел точно как казак с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»: лысый, как коленка, краснолицый, с вислыми усами (сколько он ни пытался их подкручивать, они все равно опускались к подбородку) и толстыми лоснящимися щеками. К тому же был он высок, мясист, большерук, а из-под его брючного ремня вываливалось круглое пивное брюхо.

Фамилия старшему следователю досталась от отца, а внешность, наверное, от анонимной матери (потому что Митрофан маму ни разу не видел, а его папаша Василий Дмитрич ее плохо помнил). Лучше бы было наоборот, так как его батя в свои шестьдесят восемь был строен, гладок, симпатичен, имел вполне приличный чуб и еще различимые кубики на животе. И это притом, что старший Голушко всю жизнь пил, курил, переедал, спал с кем ни попадя (из-за чего неоднократно лечился у врача-венеролога), играл в азартные игры (за это пришлось даже посидеть), дрался. Короче, не щадил ни душу, ни печень. И каков результат? Василий выглядит, как английский аристократ в десятом колене, а непьющий, некурящий Митрофан похож на заправского алконавта с глухого украинского хутора! Обиднее всего, что Василий нисколько не заботится ни о фигуре, ни о здоровье: может выдуть пять бутылок «Балтики» за раз, слопать блюдо с шашлыком, уговорить вечером коробку конфет, но у него кубики на животе и давление, как у космонавта, а у сына пивное брюхо и гипертония!

Нет, жаль, что Митрофан пошел не в отца, очень жаль!

Примерно такие мысли одолевали старшего следователя Голушко за завтраком. Завтракал Митрофан в своем кабинете, так как дома спокойно поесть не получалось – именно по утрам отец любил лезть к сыну с советами по поводу и без, что очень мешало пищеварительному процессу. Обычно утренняя трапеза Митрофана состояла из пары бутербродов с сыром и маслом, но сегодня он изменил себе – съел три куска «Рокфора» без хлеба, потому что сыр с плесенью не нуждается в компаньонах: батон и масло только портят его вкус.

Голушко доедал второй кусок, когда дверь приоткрылась и в проеме показалась раскрасневшаяся от быстрого бега физиономия старшего опера Лешки Смирнова.



– Сало ешь? – хмыкнул он, мазнув взглядом по застывшему у Митрофанова рта куску сыра. – И без хлеба! Ну ты, хохол, даешь!

– Это сыр, – прорычал Голушко, пряча «Рокфор» в салфетку. – Я сто раз говорил, что не ем сала!

Смирнов мерзко хихикнул, из чего Митрофан сделал вывод, что его словам никто не верит, и уже другим тоном сказал:

– У нас свежий трупак! Через пять минут выезжаем. Если поторопишься... – он показал глазами на салфетку, – доесть са... в смысле, сыр, то успеешь с нами.

– Чей труп? Где?

– Женский. В квартире... – Смирнов начал нетерпеливо бить копытом (стоптанным башмаком) землю (драный линолеум). – Давай короче! А то уедем без тебя, добирайся потом как хочешь – бензина выдали только на один рейс.

– Кто сообщил о трупе?

– Соседка сверху. Спускалась, увидела, что дверь приоткрыта, вошла... Ну а дальше сам догадайся!

Митрофан кивнул, догадался: соседка нашла хозяйку квартиры мертвой, после чего позвонила в милицию.

– Застрелена, задушена, зарезана или еще что? – спросил на ходу Голушко – он уже направлялся к двери.

– Труп до подбородка прикрыт простыней. На простыне кровавые пятна, так что может быть все что угодно... – Лешка дурашливо подмигнул. – Вплоть до расчлененки.

Голушко тяжело вздохнул – только расчлененки ему в этом месяце не хватало! Мало двух поножовщин, трех перестрелок, шести драк со смертельным исходом и одной заказухи!

– Не парься, Митюша, – подбодрил товарища Смирнов. – Наверняка, банальный огнестрел... Деваха-то наша, знаешь, в каком районе обнаружена?

– Неужто в «Берегах мечты»? – предположил Голушко, назвав самый фешенебельный район города.

– Ну это ты загнул... Тогда бы нас не соседи, а их секьюрити вызывали... Она на Александровском спуске жила. Бывший дом работников искусств рядом с церковью знаешь?

Митрофан знал – это был старинный трехэтажный особняк, очень красивый, еще крепкий, квартиры в нем стоили безумно дорого, но покупатели на них всегда находились, потому что таких высоких потолков с отлично сохранившейся лепниной, такого красивого дубового паркета, таких широких мраморных подоконников не было ни в одном другом доме города.

– Из новых русских дамочка, – сделал вывод Голушко.

– Актрисулька, наверное, или моделька, ты же знаешь, как любит богема этот дом, к тому же соседка ее красавицей называла. – Смирнов хлопнул Митрофана по мясистой спине. – Прикинь, Митюня, какое нам счастье привалило – на настоящую модель посмотреть... Пусть даже и на мертвую.

Митрофан скривился – такого «счастья» он не пожелал бы никому. Сам он больше десяти лет на «жмуриков» смотрит, казалось бы, должен привыкнуть, но всякий раз при виде убитого человека его мутит – уж больно жуткое зрелище. Конечно, мертвых моделей ему видеть не приходилось, все больше бандиты да пьянь, но Голушко был уверен, что смерть уродует даже самые красивые лица, а ножевые или огнестрельные раны обезображивают самые совершенные тела...

В ошибочности своего мнения Митрофан убедился сразу же, как только увидел убитую. Она была прекрасна! Фарфоровое личико с тонким носиком, изящным подбородком, пухлым ртом, в ореоле длинных, рассыпавшихся по подушке, золотых волос. Ее безупречные черты не исказились, не заострились, как у всех виденных до этого покойников, девушка выглядела

безмятежной, умиротворенной, и совсем не походила на мертвую, скорее на спящую – на Спящую Красавицу из сказки, только хрустального гроба не хватало...

– Точно модель, – прошептал Смирнов, заворуженно глядя на безупречное мертвое лицо. – Супермодель.

– Красивая, – согласился Митрофан. – Кто такая?

– Харитонова Людмила Ильинична, двадцать семь... Умерла, что называется, во цвете лет...

Голушко приспустил простыню, обнажив роскошный бюст покойницы и две огнестрельные раны: одну под правой грудью, другую под ключицей. На раны смотреть было страшно, а на грудь стыдно, поэтому Митрофан отвернулся.

– Я ж тебе говорил, огнестрел, – сказал Смирнов, оценивающе уставившись на бюст покойницы. – Размер третий, не меньше. – Потом потрогал левую грудь, помял ее пальцами и добавил: – Силиконовая.

Голушко шлепнул Леху по руке и отошел от противоестественно красивого трупа в другой конец комнаты – он увидел на кресле маленькие, размера двадцатого, джинсики.

– У нее есть ребенок? – спросил он, рассматривая их.

– В паспорте отметок нет.

– На няню она вроде не похожа... – Голушко огляделся, увидел на полу крошечную дамскую туфельку и добавил задумчиво. – Но ребенок в ее доме бывал...

– Может, племянку приводила? Или фетиш у нее такой – детская одежка.

– Дурак ты, Леха.

– Че это? Я про них, моделей, и не такое читал...

Произнеся эти слова, Леха замер с открытым ртом возле картины, висящей над кроватью. На ней была изображена хозяйка квартиры (она же жертва). Художник явно не собирался оригинальничать, содрав сюжет у гениального Боттичелли, то есть на его полотне девушка стояла в той же позе (стыдливо прикрывала лобок рукой), что и Венера итальянского живописца, ее волосы так же трепал ветер, а ступни омывали волны. Единственное, что отличало красавицу эпохи Раннего Возрождения от современной, так это выражение лица: у той оно было одухотворенное, у этой похотливое.

«Как жаль, – подумал Митрофан, – что за несколько веков женщины так сильно изменились. Из символов чистоты превратились в символы низменных страстей и желаний».

«Как жаль, – подумал Леха, – что во времена Боттичелли еще не изобрели силикон. Иначе его Венера смотрелась бы несколько не хуже этой...».

Тут в комнату, брэнча допотопными «Зенитами», ввалился фотограф Игорь Иванович Зарубин. Поздоровавшись с Голушко и Смирновым кивком головы, он прямой наводкой направился к трупу.

– Трогали чего? – спросил он, вскидывая фотоаппарат.

– Простынку немного приспустили, – отрапортовал Смирнов.

– На сиськи посмотреть не терпелось?

– На раны, старый ты извращенец!

– Меня надо было подождать.

– Тебя дождешься! – фыркнул Леха.

– Да опять фотик пленку зажрал – не перематывалась.

– Тебе «Никон» купили, а ты все с этим старьем носишься, – упрекнул Зарубина Смирнов.

– Я свои «Зениты» ни на что не променяю! Они, как боевые друзья, ясно тебе?

– Не очень, – буркнул опер, – но в полемику вступать не буду, так как она может затянуться...

– Вот и помолчи, – отбрил его фотограф, – глядишь, за умного сойдешь... – Леха фыркнул, а Зарубин, посмотрев на труп через линзу своего «Зенита», велел: – Ну-ка сделай простынку как было – мне первоначальная картина нужна...

Смирнов подошел к покойнице, накинул простыню ей на грудь, отошел.

Зарубин опять нацелил фотоаппарат, но вместо привычного щелчка раздался его возмущенный возглас:

– Не так было!

– Почему не так? – нахмурился Леха. – Так. Простыня до подбородка.

– Митя, так? – спросил Зарубин у Голушко – его он уважал больше, чем разбитного не по годам, легкомысленного Леху.

– Так, – подтвердил Митрофан.

– Не может быть!

Голушко и Смирнов недоуменно переглянулись, а Зарубин покачал своей крупной, как у старого сенбернара, лохмато-седой головой.

– Неужели вы ничего не замечаете? – спросил он. – Тогда посмотрите повнимательнее... И не только на сиськи!

Голушко послушно посмотрел, правда, первым делом взгляд его упал как раз на них, на силиконовые груди третьего размера, а уж потом на все остальное: лицо, плечи, вытянутые вдоль туловища руки, затем на кровать королевских размеров, на которой возлежала девушка, на балдахин над ней, на тумбочку с цветами, на картину в стенной нише...

– Что скажете? – нетерпеливо спросил Зарубин.

– Богато, – ответил Голушко.

– Особенно в области грудной клетки, – уточнил Смирнов.

– Эх вы, наблюдатели, – с упреком сказал фотограф. – Посмотрите, как она лежит! Точно посередине кровати, на симметрично разложенных подушках, на безупречно гладких простынях... – Он подошел к покойнице, пощупал через шелк простыни ее ноги. – Конечности распрямлены, волосы уложены аккуратным нимбом... Кругом красота и гармония – а вы простыню комом...

– Красивые люди и умирают красиво, – бросил Смирнов.

– Ты на что намекаешь, Игорь Иванович? – спросил Голушко на всякий случай, хотя уже понимал, на что.

– Ритуал, ребятки! Маньяком пахнет...

Митрофан похолодел – маньяк даже хуже «расчлененки»! Маньяк – хуже замучившего его геморроя! Маньяк – это самый кошмарный кошмар старшего следователя Голушко!

– Глупости! – фыркнул Леха Смирнов, буквально вернув Митрофана своим возгласом к жизни. – Никаких маньяков не существуют, они – вымысел киношников и журналистов!

– Я лично одного знал, – запальчиво возразил Игорь Иванович. – У меня сосед был по фамилии Козлов, хороший мужик, мы с ним в домино во дворе играли... А оказался он серийным убийцей, которого милиция шесть лет разыскивала. Ловил девушек в парке, насиловал, убивал, вернее, сначала убивал, потом насиловал, а затем вот так же красиво укладывал, украшал труп цветами и листьями...

– И все равно – глупости! – не унимался Леха. – Ее любовник убил, это ежу понятно! – Он вцепился в рукав Митрофанова джемпера и начал объяснять. – Дверь открыли родным ключом, значит, убийца был вхож в этот дом...

– Или выкрал ключи у намеченной жертвы, – встрял Зарубин.

– Она его ждала! Намылась, разделась, причесалась, надушилась – запах до сих пор в воздухе витает, – азартно выкрикнул Леха, шмыгнув носом. – Порядок навела, красоту: цветочки поставила, бельишко шелковое постелила... – Он с надменным видом глянул на оппонента. – А то, что подушки лежат симметрично, простынки без морщинок, а волосы нимбом,



я тебе вот что скажу – все бабы так любовников встречают! Им же, бабам, особенно моделям, главное произвести впечатление, подать себя красиво! Сбить мужика с ног у самого порога.

– А получилось, что он ее с самого порога... только не сбил, а убил, – тихо сказал фотограф.

– В упор, а не с порога, – поправил Смирнов. – Она лежала, когда он вошел, ждала. Он подошел, склонился над ней, сделал вид, что хочет поцеловать, а вместо этого всадил ей в грудь две пули. Потом закрыл ее глаза, прикрыл тело простыней и скрылся в ночи.

– Звучит правдоподобно, – кивнул Голушко. – Если, конечно, опустить бред типа «скрылся в ночи»...

– Почему же бред? Он в ночи и скрылся!

– Девушку убили ранним утром, так что если тебе очень хочется употреблять красивые книжные выражения, скажи просто: «И он нырнул в утренний туман...».

– Утром? Ты уверен?

– Почти на сто процентов...

Голушко не договорил, так как за его спиной раздался красивый баритон:

– С каких пор господин старший следователь берет на себя обязанности эксперта-криминалиста?

Господин старший следователь обернулся. Как и ожидалось, на пороге комнаты обнаружился эксперт с важной фамилией Ротшильд. Внешность у него была под стать фамилии – важная, особенно внушительно смотрелось лицо, такое хоть на монетах чекань: с квадратным подбородком, крупным прямым носом, выпяченной нижней губой. Только тело подкачало, оно было бесформенным, рыхлым, толстозадым, но Ротшильд очень старался это скрыть: носил приталенные пиджаки в вертикальную полоску с большими поролоновыми плечами. Характер у эксперта был отвратительный: склочный, неуживчивый, Леха Смирнов эксперта кроме как «поганцем» не называл. Голушко Ротшильда тоже не любил, поэтому, увидев его, очень пожалел, что не приехал на место преступления позже.

– Ну так что, господин старший следователь? – раздув ноздри, спросил эксперт. – Мне уйти, дав вам возможность поупражняться в криминалистике, или остаться, чтобы делать свою работу?

– Прошу, господин эксперт, приступайте, – невозмутимо ответил Митрофан, жестом указав эксперту на покойную.

Ротшильд сжал губы в ниточку, надменно кивнул, после чего подошел, склонился над трупом и, из вредности загородив своей толстой спиной обзор, стал над ним колдовать.

Спустя пару минут он распрямился, стянул с рук резиновые перчатки и вынес вердикт:

– Жертва застрелена предположительно из пистолета небольшого калибра – входное отверстие маленькое. С близкого расстояния. Смерть наступила между 3:45 и 4:30 утра.

– Еще что-то можете добавить? – на всякий случай спросил Митрофан, хотя прекрасно знал, что из вредного эксперта лишнего слова не вытянешь. Однако в этот раз Ротшильд расщедрился еще на один комментарий:

– Убийца, скорее всего, был хорошо знаком с жертвой.

– И я о том же! – возбужденно выкрикнул Леха. – Это любовник ее пристрелил, теперь надо только выяснить его личность...

Голушко грозно зыркнул на Смирнова, и тот тут же замолк, а Митрофан спросил у эксперта:

– Из чего вы сделали такой вывод?

– Из характера пулевых отверстий. – Ротшильд указал перстом на раны на теле жертвы. – Смотрите, одно ниже груди, второе выше, оба выстрела сделаны под наклоном. Как вы думаете, почему?

– Чтобы пули достигли сердца, – оторвавшись от фотоаппарата, бросил Зарубин.

– Пули достигли бы его быстрее, если бы убийца выстрелил точно в грудь...

– Он не хотел портить такую красоту, – заявил Леха.

– Он знал, что грудь силиконовая, – отчеканил Ротшильд, уничижительно глядя на озадаченного опера. – Он боялся, что пули застрянут в нем, и жертва сможет выжить...

– Такое бывает? – искренне удивился Голушко. – Чтобы силикон спасал жизнь? Я слышал, что он только к раку приводит и к искривлению позвоночника...

– В моей практике (ранее я работал хирургом, если кто не знает) был случай, когда жертва осталась жива благодаря имплантатам, они, правда, были побольше, чем у нашей девушки, размера пятого... В нее стрелял бывший любовник, целился прямо в сердце, но пуля застряла в силиконе, не дойдя до пункта назначения. В результате девушка осталась жива, только один имплантат пришлось поменять...

Повисла напряженная пауза: и Голушко, и Смирнов переваривали услышанное – первый раздумывал над тем, мог ли убийца знать о дополнительных возможностях силикона, а второй представлял, как выглядит грудь пятого размера. Голушко пришел к выводу, что знать мог только медик, а Смирнов решил, что выглядит она просто превосходно.

– По той же причине выстрел был сделан с близкого расстояния – с другого конца комнаты так точно не прицелишься, – прервал всеобщее молчание Ротшильд, – и рискуешь угодить в силиконовую подушку.

– К чему такие сложности? – вновь полюбопытствовал Зарубин. – Не легче ли было стрелкнуть в лоб?

– Это только киллеры делают контрольный в голову, – ответил Голушко. – А убийцы-непрофессионалы очень редко в нее целят, как правило, стреляют в сердце...

– Почему?

– Вы представляете, что происходит с головой, когда в нее попадает пуля?

– Представляю – в кино сто раз показывали: кровиха и мозги в разные стороны, – фотограф передернулся. – Зрелище кошмарное!

– Другие тоже кино смотрят и тоже представляют, – грустно улыбнулся Митрофан. – Поэтому мало кто может решиться выстрелить в лицо...

– Особенно в знакомое лицо, – поддакнул Леха. – Убийца был из близкого окружения покойной, это ясно. Либо подруга, либо родственник, либо любовник. Скорее, любовник – подружки про силикон могут и не знать...

– Или ее хирург-пластик, – ткнул пальцем в небо следователь Голушко.

– Тоже не исключается.

– Или фотограф, гример, стилист, они в сиськах не хуже хирургов разбираются, – опять влез со своей версией Зарубин. – К тому же в их гребаном модельном бизнесе каждый готов другому глотку перегрызть...

– Вы сказали – в модельном? – скривив рот в саркастической улыбке, спросил Ротшильд. – Я правильно понял?

– Мне Леха сказал, что она манекенщица.

– Манекенщица?

– Ну... топ-модель или вроде того, – подтвердил тот.

Эксперт хохотнул и рывком сорвал простыню с трупа. Легкий шелк соскользнул на пол, открыв нагое тело целиком. И все увидели то, что до сего момента сподобился лицезреть лишь Ротшильд – внушительных размеров мужское достоинство в поросли темных курчавых волос.

– Какая гадость, – прохрипел Леха, сплевывая. – Трансвестит!

– Гермафродит, – поправил его Ротшильд.

– А есть разница?

– Огромная. – Эксперт подошел к покойнице («це» или «ку», черт побери?), схватил ее неженскую прелесть рукой и (тьфу, тьфу, тьфу) приподнял. Под ней обнаружился еще один

боекомплект, уже дамский. Митрофан, увидев его, стыдливо потупился, а Леха, наоборот, с большим интересом начал разглядывать. Ротшильд, очень довольный произведенным эффектом, спросил: – Теперь вы видите разницу?

– Во времена моего детства таких называли «Маня-Ваня», – пробормотал Зарубин. – Одну я даже знал лично – мы с ней в волейбол вместе играли...

– Зарубин, у тебя очень бурное прошлое, – восхищенно протянул Смирнов. – С маньяками ты в домино резался, с гермафродитами в волейбольчик...

Зарубин раздраженно махнул на Леху рукой и продолжил:

– Хорошая была девчонка, добрая, играла здорово... Но однажды пацаны подглядели, как она после тренировки в душе моется... Ну и увидели... – Он глазами показал на свой гультфик. – Что потом было, сами понимаете... Затравили девчонку – повесилась она.

– Гермафродиты склонны к депрессиям и суициду, – важно заявил Ротшильд, – они очень ранимы, закомплексованы, постоянно живут в страхе, что кто-то узнает о них правду. Поэтому я сомневаюсь, что наша красавица была манекенщицей или топ-моделью – общие раздевалки, пристальное внимание, а также трусики-стринги, не скрывающие ничего наряды – все это выдало бы ее в два счета!

– Значит, не топ-модель, – разочарованно протянул Леха. – Тогда кто?

– Скорее порномодель – таких девочек в этом бизнесе очень ценят.

– Да ну? – не поверил Зарубин.

– А вы как думали! Гермафродитов вообще очень мало, а таких, которые бы не постеснялись выставить себя напоказ, – единицы. – Ротшильд обвел взглядом комнату, оценив обстановку, и добавил уверенно: – Наша девушка прекрасно обеспечена, у нее силиконовая грудь, татуировка в паху, интимная прическа, она точно порномодель.

– Или проститутка, – выдал версию Леха. – Скорее проститутка, ведь в нашем городе как такового порнобизнеса не существует, зато бизнес интим-услуг процветает – массажных салонов пооткрывалось до черта!

– Только этого нам не хватало, – упавшим голосом сказал Митрофан.

– Да уж, попали вы с этой бабенкой, – злорадно улыбнулся Ротшильд. – С ног собьетесь, чтобы вычислить всех ее любовников и любовниц!

Зарубин сочувственно протянул «Н-да», Леха сдавленно застонал, а Митрофан обессиленно опустился в кресло, он понял, что это будет самое сложное, самое изматывающее, самое паскудное расследование за всю его карьеру.

## Марго

Это была самая сложная, самая изматывающая, самая паскудная ночь за всю ее карьеру! Сначала она приняла старого армянина с молодецким здоровьем: за два часа он умудрился «оправдать затраты» четырежды, потом юнца, нажравшегося «Виагры», но даже после нее недееспособного, затем местного политика – своего постоянного клиента, который любил, чтобы его наряжали школьницей и шлепали по попе. Ближе к утру к ним в бордель завалились два пьяных немца, один выбрал ее, Марго, второй толстую Венеру, но так как они оба были не способны на постельные подвиги по причине полной невменяемости, пришлось развлекать их русскими народными песнями и плясками. Марго пела, а Венера плясала, трясая своими складками на животе...

Отбыли немцы только в половине третьего, когда все девочки уже разъехались по домам, а Мадам удалилась в свой флигелек, оставив бордель на охранника Сашку. Затолкав пьяных бюргеров в такси, усталые Марго с Венерой вернулись в дом, попили чаю в компании с Сашкой, сполоснулись, после чего Венера загрузилась в свой джип «Гранд-Чероки» (в других машинах она не помещалась) и отбыла к себе, а вконец измотанная Марго прилегла на кровать, на которой не так давно улаживала своих клиентов, для того, чтобы немного отдохнуть.

«Подремлю чуточку, – сказала она себе перед тем, как погрузиться в сон, – всего полчасика, а потом поеду домой...».

Проснувшись Марго через четыре часа, когда утро было в самом разгаре. В этом, конечно, не было ничего страшного, просто на сегодня у нее было запланировано одно мероприятие, а именно, поход на рынок за настоем из ромашки, который лучше всяких импортных кремов помогал бороться с веснушками. Бабка, которая этим настоем торговала, приходила на базар к самому открытию, поэтому Марго, проснувшись в восемь тридцать, купить его никак не успевала, ведь желающих избавиться от конопушек было великое множество, и отвар расхватывали вмиг.

Марго встала с кровати, подошла к зеркалу, придирчиво осмотрела свое лицо: не появились ли предательские рыжинки на гладких щечках, но нет, пока они оставались безупречно розовыми. Лицо было безупречным, гладким и красивым! Какое счастье, что она находится в том возрасте, когда бессонные ночи не оставляют на коже следов. А вот лет через пять придется покупать не только отвары от веснушек, но и от морщин, и от мешков под глазами, и от отеков... Но, как говорится, не будем о грустном! Сейчас у нее нет поводов для беспокойства: лицо настолько хорошо, что его хоть сейчас помещай на обложку журнала... Или на икону. Да, Марго многие говорили, что у нее иконописное лицо: тонкое, одухотворенное, с большими глазами, изящным носом, красивым маленьким ртом. Увидев такой лик, никто не сказал бы, что он принадлежит проститутке, скорее монахине. Или богине. Или святой.

Святая Маргарита! Боже, что может быть смешнее! Марго прыснула в кулачок, представляя, как ее, проститутку из борделя «Экзотик», причисляют к лику святых только за то, что ее лицо хорошо будет смотреться на иконе...

А вообще в их бордельчике все девочки красивые. Все, кроме Евы Браун, но той красота без надобности – у нее на голове всегда кожаная маска с прорезями для глаз и рта, и ни один ее подшефный мазохист не представляет, насколько она уродлива. Но все остальные, даже толстая Венера, у которой имеется сразу три подбородка, были милашками. Однако ж признанными королевами в «Экзотике» считались Марго и ее подруга Афродита. Особенно Афродита – она была не просто красива, она была прекрасна, как ее древнегреческая тезка.

Вспомнив о подруге, Марго засобиравшись домой – последние две недели девушки жили под одной крышей. Быстренько передела белье: красный кружевной комплект сменила белым

хлопковым. Затем облачилась в повседневную одежду, заколола свои роскошные русые волосы «крабом», обулась в кроссовки, вышла в коридор.

Комнаты, или как говорила Мадам, апартаменты, находились на втором этаже, а на первом была большая гостиная с баром-стойкой, удобными кожаными диванами и небольшим помостом, где иногда устраивались стрип-представления. Из гостиной выходил коридор, ведущий в холл, там же была комната охранника, расположенная рядом с входной дверью. Но из здания можно было выйти не только через нее, но и через другую, расположенную на маленькой кухоньке, где приходящая повариха Катя готовила для клиентов нехитрые закуски. Марго направилась именно к ней, потому что не хотела беспокоить Сашку – она знала, что в это время он спит, отдыхая после бессонной ночи.

Но оказалось, что охранник уже встал – когда Марго вошла в кухню, она обнаружила его у плиты. Парень варил себе кофе, напевая под нос глупую песню про муси-пуси.

– Привет, – поздоровалась с ним Марго. – Кофейком не угостишь?

Сашка обернулся и удивленно уставился на нее.

– Ты здесь? А я думал, что в здании, кроме меня, никого...

– Я заснула, а проснулась только что. – Марго взгромодилась на крутящийся табурет. – Так угостишь или нет?

– Конечно, угощу, – ласково улыбнулся Сашка, пододвигая к Марго пока еще пустую чашку.

Саша был очень красивым молодым человеком, но жутко застенчивым. И эти два взаимоисключающих качества привлекали к нему внимание всех девочек заведения. Каждая проститутка, работающая в «Экзотике», мечтала соблазнить такого хорошенького, такого милого, неиспорченного мальчика. Да что там проститутки! Даже повариха Катя посматривала на него с вожделением. Даже Мадам – нет-нет, да и заглядывалась на его крепкие ягодицы... И только Марго относилась к нему спокойно, по-дружески, не пытаясь при любом удобном случае залезть к нему в ширинку. Конечно, он ей тоже нравился, но она считала, что такой милый мальчик должен оставаться чистым, не марая себя сексом с продажными бабами.

Вот за это отношение к себе Саша и уважал Марго. Только с ней он мог потрепаться за жизнь, попить кофе, поиграть в карты, она была единственная из девочек, от кого он не шарахался, как от чумы.

– Сумасшедшая ночка выдалась? – спросил Сашка, разливая кофе по чашкам.

– Ужас, – кивнула Марго, осторожно отхлебывая обжигающий напиток. – Все как с ума посходили! Обычно за ночь я пару клиентов принимаю, а тут целых четыре!

– Так полнолуние же было! Вот у всех крышу и снесло...

– Думаешь, луна как-то влияет на сексуальность?

– А то нет! Неслучайно все психи в полнолуние активизируются... А во всех остальных, даже в тех, кто кажется нормальным, просыпаются первобытные инстинкты.

– Ты кого имеешь в виду?

– Нашу Мадам, – Сашка понизил голос до шепота. – Она меня вчера за задницу схватила и говорит: «Когда все уgomонятся, приходи – будем шалить!». Прикинь – «шалить» она вздумала! Я от нее такого не ожидал...

Марго улыбнулась – представить степенную Мадам, хватающей парня за ягодицы, было очень трудно, но, зная хозяйку лучше Сашки, она несколько этому не удивилась. Дело в том, что владелица «Экзотика» когда-то была одной из самых дорогих проституток города. И как поговаривают, пришла в этот бизнес не столько ради денег, сколько по зову сердца (в ее случае, плоти), наверное, именно поэтому она пользовалась огромным успехом у мужчин – мало найдется жриц любви, которые испытывают настоящее удовольствие от секса. Сейчас аппетиты Мадам стали скромнее: раз в неделю она удовлетворяла их с мальчиками из дружественного мужского борделя и говорила, что этого достаточно, только, как видно, лукавила...

– Еще налить? – спросил Сашка, видя, что Марго опорожнила свою чашку.

– Нет, спасибо, поеду я. – Она встала, сладко потянулась. – Надо поспать еще часов пять, а то до ночи не доживу... Кстати, во сколько Афа уехала, что-то я не заметила?

– Раньше всех свалила, – доложил Саша, убрав чашки в мойку. – Отпросилась у Мадам в два, сказала, что у нее любовное свидание.

– Любовное свидание? – не поверила Марго, насколько она знала, в последнее время у Афродиты никого не было. Она зализывала раны после очередного болезненного разрыва и пока была не готова к новому роману.

– Она так сказала, а уж как на самом деле – не знаю.

– Наврала, наверное, чтобы слинять. Она любит от работы отлынивать...

– Да, выходные она себе устраивает чаще, чем остальные...

– Ей можно, она девушка богатая.

– Она богатая? – усомнился Саша.

– Афа два года в Германии работала. В их порнухе снималась. Естественно, получала приличные деньги.

– Чего ж вернулась?

– Ностальгия, – Марго ответила словами самой Афы – та действительно в Германии сходила с ума от тоски по родине.

– Да ладно, просто там она была одной из многих, а тут королева! Звезда городских борделей, – фыркнул Саша.

– Не язви, – Марго погрозила ему тонким пальчиком. – А то я все Афе расскажу, тогда держись!

– Только не это! – шутливо взмолился парень, небось знал, что взрывная, импульсивная Афродита запросто может исцарапать физиономию, разбить о голову обидчика вазу, надавать ему по хребту стулом. – Твоя Афа могла бы тут вместо меня охранником работать – не баба, а терминатор!

Марго посмеялась вместе с Сашей над его плосковатой шуткой, после чего распрощалась с ним и покинула дом.

Ее машина была припаркована недалеко от ворот. Желтый «Фольксваген»-жук, ее гордость, ее любовь, стоял рядом с черным пятисотым «мерином» Мадам и серой «девяткой» Саши.

Марго открыла дверцу авто, проворно забралась в салон, устроилась на сиденьи, предварительно погладив руль. Своего «жука» она обожала, для нее это была идеальная машина – хорошенькая маленькая тачка для хорошенькой маленькой леди (леди не доросла даже до полутора метров). Раньше она ездила на «Оке», что ее вполне устраивало, но Афа ее застыдила и уговорила сменить российскую малолитражку на немецкую. Она же и денег в долг дала. Без процентов. Марго уже половину выплатила, осталось чуть меньше пятнадцати тысяч. Она планировала полностью расплатиться к концу года, могла бы и раньше, но две недели назад соседи сверху (запойные пьяницы) устроили в своей халупе пожар. Приехавшие пожарные залили очаг возгорания пеной и водой. И вся эта гадость: вода, перемешанная с гарью, просочилась в квартиру Марго, испоганив обои, мебель, одежду. Убытки, естественно, ей никто возмещать не собирался, ремонт делать тоже, никого не волновало, что в такой квартире нельзя жить. И опять на помощь пришла Афа – она пригласила Марго погостить у нее какое-то время, пока нанятые ею же шабашники не закончат ремонт.

И вот уже две недели девушки живут под одной крышей.

Дорога от «Экзотика» до дома занимала не больше семи минут, и Марго не успела оглянуться, как на горизонте показалась знакомая церковь, рядом с которой стоял Афин дом. Для того чтобы въехать во двор, надо было обогнуть церковный забор, чтобы его обогнуть, приходилось сбрасывать скорость до сорока километров в час, потому что местные попрошайки



буквально лезли под колеса, надеясь выклянчить подавание. Но на сей раз на паперти никого не было, даже псевдоюродивого (на самом деле алкоголика-шизофреника), местного аборигена, обитающего в дровяном сарае за церковью, который являлся к воротам храма строго к семи, как на службу.

– У них что, забастовка? – буркнула себе под нос Марго, по привычке сбавляя скорость. – Или вчерашнее полнолуние на них так действовало?

Когда Марго завернула за поворот, стало ясно, что полнолуние тут ни при чем, дело было в происшествии, смотреть на которое сбежались все кому не лень. Пока было не совсем ясно, что именно случилось, но очевидно, нечто серьезное, так как кроме любопытных у подъезда (Афиного подъезда) толклись менты и медики. Тут же стояли «Скорая», милицейский «козел» и одна неприметная серая машина, именуемая «труповозкой». Значит, в подъезде кто-то умер, и явно не от старости.

Марго притормозила в отдалении, опустила окно, высунулась немного, чтобы посмотреть. Тут же к машине подскочил один из наблюдателей, член прицерковной банды побирушек, заискивающе улыбнулся, продемонстрировав два гнилых клыка, и промурлыкал:

– Подай, красавица, на хлебушек.

Марго сунула мужику пятак и махнула рукой, чтобы отвалил, но тот, видимо, отходить не собирался, потому что подошел не столько ради денег, сколько для того, чтобы блеснуть знаниями о происшествии перед несведущим человеком.

– Ща жмурика выносить будут, – доложил он, привалившись острым бедром к круглому боку машины. – Носилки давно втащили...

– Кто-то умер? – с интересом спросила Марго.

– Умер, голубушка, – он хитро прищурился, – подай за упокой невинной души...

– А кто, не знаешь?

– Девку какую-то пришили...

У Марго екнуло сердце – в их шестиквартирном подъезде жили только две «девки» – она и Афа, остальных можно было назвать только дамами и господами.

– Девку? – переспросила она. – Какую девку?

– Не знай... Какую-то. Она вона в той квартире живет... – И он указал грязным пальцем на Афино окно. – Эй, глянь, выносят ее!

Марго тупо посмотрела на подъездную дверь, из которой вытаскивали носилки. На них, прикрытая простыней, лежала мертвая Афродита. Это была она, точно она, потому что из-под голубого шелка (комплект постельного белья из магазина «Сладкий сон» – подарок Марго на день рождения) выглядывали золотые кудри Афы.

Афродита мертва!

Афродиту убили!

Марго вцепилась в руль вмиг заледеневшими пальцами. Этого не может быть... Не может быть... Не...

– Ну так че? – наглый попрошайка просунул в окно сизую морду. – Накинешь еще пятерочку на стопочку? За упокой, а?

Марго швырнула в мерзкую харю десятку и быстро завела мотор.

Надо сваливать отсюда, пока не поздно! Еще не хватало, чтобы тот толстый лысый мент с рожей запойного алкоголика, который всеми командовал, заприметил ее машину. Он, наверняка, уже знает, что в квартире вместе с покойной проживала еще одна девушка, а о том, что она разъезжает на желтом «Фольксвагене», ему могли сообщить вездесущие соседи...

Или не могли? Ведь она никогда не оставляла машину у подъезда – сразу загоняла ее на стоянку возле соседнего дома. Так, уже лучше... Нет, не лучше. Машину не заметили, но ее-то саму точно должны были видеть, а значит, запомнить, потому что внешность у Марго нестандартная, бросающаяся в глаза...

Черт, черт, черт! Как же плохо! Конечно, совесть у нее чиста, ведь она Афу не убивала, но пойди докажи это тупомордому «следаку». Этот ментяра, наверняка, записал ее в подозреваемые номер один. А почему? Да потому что в пепельнице, что стоит на прикроватной тумбочке, лежат обрывки расписки, составленной Марго и изодранной Афой. В ней изложено следующее: «Я, Маргарита Андреевна Катаева, обязуюсь вернуть 15 000 евро Харитоновой Людмиле Ильиничне (Афродита по паспорту была Людмилой) не позднее января 2009 года». Расписка эта была, по сути, филькиной грамотой, потому что у нотариуса ее никто не заверял, но для следствия она может оказаться ценной (по мнению следака, естественно) уликой. Как же, как же, подумает главный мент с моржовыми усами, знаем мы этих должников, сначала хапнут пятнадцать кусков, а потом, когда отдавать нечем, за пятерку киллера нанимают, и мочат кредитора в его собственной квартире...

А что, чем не версия? Тем более расписка уничтожена, а то, что именно кредиторша ее изорвала в клочья, да еще и отругала Марго за унижающие их дружбу, формальности, никто не знает.

А алиби! Вернее, его отсутствие! Кто докажет, что Марго все утро и часть ночи проспала в апартаментах? Никто! Теоретически у нее была возможность незаметно покинуть здание, выйти через калитку на улицу, добраться до Афиного дома, убить ее (еще бы знать чем?), затем вернуться в бордель. Все просто, ясно, логично! Логично! Марго – убийца!

Блин, блин, бли-и-и-ин!

– Держи себя в руках, девочка, – прорычала Марго, зверски глянув на свое отражение в салонном зеркале. – И думай, думай...

Но думать не получалось – она всегда резко тупела именно тогда, когда нужно было быть логичной, лаконичной, умной, собранной, волевой. В отличие от Афы! Та особо здраво мыслила в экстремальных ситуациях, а когда ее загоняли в угол, становилась просто гениальной. Интересно, кто ее убил? И за что? Ее смерти могли желать многие, Марго знала это, потому что щедрая, добрая для друзей Афродита была алчной, жесткой, подлой для врагов. А враги у нее были! Брошенные возлюбленные, униженные конкурентки, соперники и соперницы, кинутые работодатели и целый сонм психически неуравновешенных клиентов.

Кто же из них?

Марго так разволновалась, размышляя над этим, что чуть не сшибла неспешно вышагивающего вдоль церковного забора старика. Слава богу, дедок не пострадал, так что не пришлось останавливаться, чтобы оказать ему помощь. И именно в этот момент на нее снизошло озарение – Марго поняла, что должна сделать.

Она вернется в «Экзотик», все расскажет Мадам, а уж та решит, что предпринять несчастной Маргоше, чтобы спасти свою шкуру.

## Базиль

Базиль отпрыгнул к забору, чтоб не угодить под колеса бешено мчавшегося в сторону шоссе желтого «Фольксвагена». Он хотел выматериться вслед уносящемуся авто, но только буркнул раздраженно «Смотри, куда едешь», а все потому, что за рулем сидела прехорошенькая дамочка. Любого мужика он мог обругать трех-четырёх-пятиэтажным, а женщину нет – к женщинам он относился очень трепетно.

Базиль присел на каменный выступ церковного забора, чтобы отдохнуть и полюбоваться своим новым приобретением – роскошным кашемировым шарфом, который он только что купил в комиссионке своей приятельницы Аделаида Бруновны Кунц. Шарф был не только красивым, теплым, стопроцентно английским, но еще и новым: глупые иностранцы забраковали его только потому, что на конце был небольшой непрокрас. Подумаешь, пятнышко, спрячешь его под воротник – и не видно!

Базиль приложил нежный кашемир к шее – красота! Ни одна зима не страшна. Теперь оставалось решить: себе оставить эту роскошь или сыну подарить. С одной стороны, отпрыск ничего не понимает в хороших вещах – носит всякое барахло, а на шею в мороз наматывает какую-то синтетическую тряпку, поэтому не оценит, но с другой, мальчишка так часто простужался, что ангина стала его вечной зимней спутницей, и ему кашемир принес бы больше пользы... Раз так, значит, пусть носит! Себе Базиль у Аделаиды еще что-нибудь фирменное присмотрит, а сын такую вещь ни за что не купит – он приобретает свое барахло исключительно на оптовом рынке, где продают только подвальный ширпотреб, а за кашемир выдают распашоночную байку...

Эх, сына, сына! Не в отца ты пошел, не в отца...

Это и хорошо, и плохо. Только если и плохо, Базиль все равно своего мальчика не променяет ни на какого другого. Он любит его, своего несовременного, доброго, не по годам и профессии романтичного Митеньку, так не похожего на него, Базиля.

Да, отец и сын Голушко были абсолютно разными. Разными, как белое и черное, как небо и земля, как человек и инопланетянин (нет, пожалуй, у последних общего было гораздо больше). Они были антиподами. Двумя полюсами: южным и северным... Если бы не фамильное голушкинское родимое пятно на Митиной ягодице (такое же было у отца, деда, прадеда), Базиль ни за что бы не поверил в свое отцовство, решив, что ему пытаются навязать чужого дитя. Тем более, обстоятельства, при которых он узнал о том, что стал папой, не располагали к доверию...

История с отцовством началась сорок лет назад. Тогда молодой Базиль, красавец, франт, кутила, успешный катала-гастролер вернулся в родной город из очередного тура по приморским курортам. Вернулся богачом. Это лето вообще было для него крайне удачным: его ни разу не пбили, не киданули, не обыграли, не задержали (последнего он особенно опасался, так как в тюрьме он уже посидел и ему там страшно не понравилось). Осень тоже выдалась на славу – родной город встретил его не просто ласково, а восторженно, страстно. Все его любили, принимали, уважали. Любили лихие девчонки, принимала местная братва, уважали дружки-приятели. Особенно приятно было то, что среди городских проституток он пользовался таким успехом, что ни одна не спросила за свои услуги денег. Так и перезимовал: по-маленькой поигрывая, по-крупному тратясь, пьянствуя с друзьями, веселясь с девчонками...

Вот если бы не было в ту зиму настолько хорошо, не задержался бы он в городе так надолго и не обрел бы сына. Но он задержался: начал собираться на гастроли, не как обычно, в мае, а в начале июня. И вот когда до отъезда оставался один день и Базиль уже сидел на чемоданах (в тот момент он на самом деле сидел на чемоданах, то есть пытался умять вещи задом, так как коленом не получалось), в его квартиру постучали. Он открыл. На пороге обнаружи-

лась знакомая деваха. Он не очень хорошо помнил, как ее звали, но был уверен, что кличка у нее Кувалда, потому что до того, как стать проституткой, девушка была метательницей молота, а завершила свою спортивную карьеру после сложной травмы плеча.

Базиль очень удивился, увидев ее: во-первых, по словам ее товарок, Кувалда отошла от дел и уехала из города в деревню к родителям, а во-вторых, на ее могучих руках лежал маленький попискивающий сверток, который можно было принять за укутанного одеялком поросенка.

Несколько секунд Базиль и его гостя таращились друг на друга в полном молчании, пока Кувалда не сказала:

– Это тебе, – и протянула ему теперь уже кряхтящий сверток. – Забирай.

– Что это? – с опаской спросил Базиль, но презент все же взял – не обижать же девушку, не поленившуюся притащить в город живую хрюшку. – Поросенок?

– В каком-то смысле, – хмыкнула Кувалда.

– А почему живой? Не могла забить, что ли?

– Ты че, в натуре, с дуба упал? – взревела барышня, выхватывая из рук Базилия сверток. – Такие шутки шутишь!

– Да какие уж тут шутки... Где я тебе в городе забойщика скота найду?

Кувалда непонимающе на Базилия уставилась, посверлила его своими бледно-голубыми глазами, потом раскатисто расхохоталась.

– Ты действительно решил, что это поросенок?

– Ну да... Я подумал, что ты его самолично выкормила, чтобы мне подарить, – Базиль игриво подмигнул, – когда-то ты была от меня без ума...

– Вот это точно! Без ума! – гроыхнула Кувалда. – За что и поплатилась! – С этими словами она откинула край одеяла, и в образовавшемся отверстии показалась сморщенная младенческая мордашка. – Знакомься, Базик, твой сын, Митюня!

Базиль отпрянул от так называемого сына, как от больного проказой.

– Убери сейчас же, дура!

– Чего это? Сын твой, тебе и воспитывать...

Она опять попыталась всучить Базилию сверток с младенцем, но тот отскочил в глубь прихожей с резвостью спортсмена-прыгуна.

– С чего ты взяла, что он мой? – выкрикнул Базиль на скаку.

– Я как тебя увидела, сразу решила – ребеночка рожу. Вот и родила... – Кувалда покрепче обхватила сверток и начала заходить с фланга, загоняя Базилия в угол прихожей. – Только теперь поняла, что погорячилась... Мне в деревне тошно, а тут с ребенком тяжело. Так что придется тебе его немного у себя подержать, я его, может, потом заберу, а пока... – Она загнала Базилия в угол и взгромоздила ему на руки сверток с младенцем. – Бери!

Прижатый к стене пудовыми грудями, Базиль начал задыхаться. Конечно, можно было дать наглой бабе в лоб, но он никогда не бил женщин, поэтому легонько оттолкнул ее локтем и сипло спросил:

– А мне он куда?

– Девай, куда хочешь. Можешь даже в детдом отдать, мне все равно...

– Сама и отдавай! – рявкнул он, возвращая младенца в мамашины руки.

– Не могу! – плаксиво протянула она. – Кровинушка ведь родная...

Базилию спектакль стал надоедать, поэтому он ухватил Кувалду за воротник, встряхнул, после чего пинком отправил к двери.

– Катись отсюда вместе со своей кровинушкой, идиотка! За лоха меня держишь? Чужого пацана хочешь мне впарить?

– Твой он! Твой, Базик! – заверещала Кувалда. – Христом богом клянусь!

– Пошла вон!

– Не веришь? Тогда смотри! – И она сорвала с малыша одеялко, затем марлевый подгузник и сунула под нос Базилью круглую розовую задницу. – Смотри!

Базиль посмотрел. На левой ягодице имелось темное родимое пятно в форме сердечка. Голушкинская метка или, как говорил Васин отец Дмитрий Константинович, божье клеймо. Им клеймили всех мужиков рода Голушко, начиная от основателя династии Миколы и заканчивая Базилем.

– У тебя точно такое же! – выкрикнула Кувалда, хватая Базилья за мускулистую ягодицу. – И на том же самом месте! Я помню, ты мне говорил, что у всех твоих предком такое имеется, и что по нему баб на верность проверяли!

Да, было такое! Как рассказывал Васин отец, благодаря «метке» один раз был выявлен случай супружеской неверности, то есть жена его дяди, Олеся, умудрилась родить чистопопого пацана, за что была бита батогами и изгнана с хутора за блуд.

– Теперь ты веришь, что это твой сын? – не скрывая торжества, спросила Кувалда.

– Верю, – выдохнул Базиль, предварительно потерев пятно пальцем – вдруг нарисованное. – Только...

– Не похож на тебя? Так он и на меня не похож, потому что недоношенный! Но он отъестся, окрепнет, станет вылитый папка! Вылитый ты!

– Я его не возьму! – возвысил голос Базиль.

– Как, не возьмешь? Почему?

– Ты забыла, кто я? Я игрок. Меня в любой момент посадить могут. А мальчишку куда?

– В детдом, – не задумываясь, ответила Кувалда.

– Дура ты!

– Конечно, дура, иначе бы так не вляпалась! – Она положила хнычущего младенца на кресло и незаметно попятилась к двери. – Ты подумай, какая из меня мать!

– А какой из меня отец?

– Из тебя отличный отец получится! Ты добрый, щедрый, заботливый! К тому же ты всегда можешь жениться, тогда у Митюши будет полная семья! А я? Разве меня кто с ребенком замуж возьмет?

– Я даже не знаю, чем его кормить!

– Это сейчас не проблема – в магазине смеси продаются! И пеленки с распашонками!

Последние слова Кувалда прокричала из подъезда, выскочив из квартиры с такой быстротой, что Базиль не успел ее перехватить.

– Мне пацан не нужен! – рявкнул он ей вслед. – Я выкину его в мусоропровод! Слышишь, в мусоропровод!

Но Кувалда не слышала, она неслась к двери из подъезда с такой скоростью, что свистело в ушах.

– Или отдам в детдом! Скажу, что нашел его на лестничной клетке!

Ответом ему был громкий хлопок подъездной двери.

Затем наступила гробовая тишина. И в этой тишине раздался еще один хлопок, но уже не такой громкий, затем по прихожей разнесся неприятный душок – это младенец обкакался.

Базиль с ужасом смотрел на ребенка, ожидая пронзительного крика, он знал, что дети поднимают ор сразу, как только «сходят в туалет», но этот малыш только поежился, сделал губы трубочкой и произнес «кхе», что на младенческом языке (Базиль потом научился его понимать) означало: «Я понимаю, что доставляю вам неудобства, но вы должны меня подмыть!».

В этот миг Василий Голушко понял, что ни в какой детдом он малыша не отдаст, а будет поднимать его сам.

Приняв это спонтанное, удивившее его самого решение, Базиль начал обдумывать свои дальнейшие действия. Первое, что он должен придумать, так это куда деть мальчика, пока он сам будет гастролировать. Второе, где найти для него кормилицу. Третье, более насущное, во

что переодеть сыны, пока он не разорался – бельишка, как и подгузников, в довесок к чаду Кувалда не дала.

Единственный вопрос, над которым Базиль особо долго не раздумывал, был последним – финская футболка, мягкая, нежная, натуральная, а главное, новая (берег для прогулок по ялтинской набережной), как нельзя лучше подходила в качестве подгузника. А запеленать мальчишку можно в махровое полотенце. Насчет кормилицы также голову не ломал – Кувалда сказала, что сейчас можно в любом магазине детские смеси купить. Конечно, хотелось бы вскормить мальчика на материнском молоке, чтоб здоровее был, но коль его мамаша оказалась такой непутевой, придется ему довольствоваться искусственным... Но вот на кого спихнуть пацана на то время, пока он, папаша, будет гастролировать, Базиль понятия не имел: родители его давно умерли, сестра уехала жить на Дальний Восток, брат на историческую родину – в Кременчуг, поближе к могилам предков и живым родственникам...

Пока Базиль напрягал мозги, Митя обкакался вторично, и на сей раз молчать не стал, так что пришлось молодому папаше прерывать размышления, бежать в ванную, дабы помыть младенцу попку теплой водой. После, соорудив из финской футболки подгузник и запеленав сына в полотенце, Базиль вернулся к своим думам. Выходило, что деть мальчика совершенно некуда, а помощи попросить не у кого. Не у дружков же своих многочисленных – засмеют! И не ехать нельзя – нужно деньги зарабатывать. И вообще, глупо заканчивать удачную карьеру только из-за маленького пятнозадного существа, свалившегося как снег на его чубатую голову. Но и бросать мальчишку на произвол судьбы тоже нечестно, как-никак родная кровь...

И в тот момент, когда Базиль совсем отчаялся, его осенило.

Баба Клава! Вот, кто ему поможет!

Эту семидесятилетнюю старушку Базиль знал уже несколько лет. Жила она в поселке Решетово, что на берегу Волги, куда он часто ездил на рыбалку – именно в ее ладном деревянном домике останавливался на ночь. Баба Клава обожала Базилья, по ее мнению, он очень походил на Клавиного погибшего в войну сына, и принимала его у себя с большой охотой. Женщиной она была доброй, душевной, животных любила, и детишек соседских и, что немало важно, имела козу, чье молоко, как известно, очень малышам полезно. Именно к бабе Клаве Базиль и решил отвезти Митю.

Но сначала необходимо было закупить смесей, пеленок, погремушек и не забыть поменять билет на поезд (каталы на гастроли ездили только поездом, так как работа начиналась уже там) на более позднее число. А первым делом нужно накормить мальчика – спокойный доселе, он начал требовательно чмокать губами и попискивать.

Смесь «Малютку» Базиль приобрел в ближайшем гастрономе, там же купил бутылку молока, две баночки яблочного пюре, кило манки, а наставления получил бесплатно – молодая продавщица снабдила симпатичного папашу нужными сведениями по приготовлению детского питания и режиму кормления, завершив лекцию игривым приглашением на чай. Естественно, Базиль обещал заглянуть, если выпадет свободная минутка, однако предчувствие ему подсказывало, что этой минутки в ближайшие сутки у него не окажется... Как в воду глядел!

Накормив Митю, Базиль кинулся стирать его пеленки, а, постирав, побежал на вокзал менять билет. Спящего мальчика пришлось оставить без присмотра.

Когда вернулся, сын по-прежнему посапывал, зато ночью даже не задремал. Кряхтел, гугукал, пускал пузыри, иногда покрикивал и ни в какую не соглашался лежать на кресле, только на руках. Мало того! Он загадил все имеющиеся в отцовском гардеробе хлопковые футболки – пеленки тот купить не успел, а постирать использованные не смог: руки были заняты.

Угомонился мальчишка только к утру, когда Базилью пора было вставать. Чуть живой от усталости Василий сполз с кровати, сварил очередную порцию питания, уложил мальчишку в дорожную сумку (чтобы соседи не увидели его с младенцем на руках), вызвал такси и покинул квартиру.



Всю дорогу до Решетово Митя спал. Не проснулся он и в доме бабы Клавы. Дрых, смешно надувая губы и морща лобик. А в это время его отец стоял на коленях перед старушкой и слезно просил приютить мальчика у себя.

– Баба Клава, ты пойми, мне некуда его деть... Родственников у меня в городе нет, а уезжать надо... Я ж вахтовым методом работаю, ты знаешь! Полгода на стройке, остальные дома!

– А мать его где? – хмурилась баба Клава, вырывая свои морщинистые ладони из цепких рук Базиля и засовывая их под фартук, дабы тот перестал их лобзать.

– Сбежала, баба Клава! Скинула мне мальчика и сбежала! Мне, говорит, он не нужен, а коли тебе без надобности, так можешь хоть в мусоропровод выкинуть...

– Как так? – ужаснулась старушка.

– Вот так! А я разве смогу его в мусор, баба Клав? Живой же человек, хоть и махонький...

– А сколько ему?

– Нисколько...

– Как нисколько? У всех детей возраст есть...

– Может, месяц, может, два... Я не разбираюсь.

– И ты новорожденного мальчика хочешь на меня, старуху, оставить? Да ты с ума, что ли, сошел? Разве я с ним справлюсь?

– Да что с ним справляться? Посмотри, какой он спокойный! Поест – и спать... Никогда не орет, даже когда обкакается...

Стоило только Базилю произнести это фразу, как Митя сморщился, открыл свой беззубый ротик и исторг из него такой громкий писк, что бабкина кошка ошалело вытаращилась и тут же сиганула через окно на улицу.

– Не орет, говоришь? – скупно улыбнулась старуха.

– Веришь ли, первый раз от него такое слышу...

Баба Клава покачала головой, давая понять, что не верит, но к Мите подошла, распеленала, глянула на мокрый подгузник, сварганенный из чешского батника.

– Описался, негодник, – констатировала она. – И жрать, наверное, хочет.

– У меня детское питание с собой есть, – Базиль, не вставая с коленей, подполз к сумке и суетливо достал из нее пачку «Малютки». – Его теплой водичкой разбавить, и все.

– Да ему уже каши пора давать. И яблоки тереть.

– Я и каши привез, и пюре, так что ничего тереть не надо. Единственное, что не успел купить, так это пеленок... Но я могу сгонять в город, привезти...

– Не надо. Чай у нас не дыра какая! Поселок городского типа. Магазинов полно, целых пять, купим...

– Значит, ты согласна? – взревел Базиль, вскакивая с коленей и хватая бабу Клаву в охапку. – Согласная понянчить моего Митьку?

– Ну чего ж поделаешь – понянчу. Не выкидывать же...

– Век не забуду, баба Клава!

– Главное, вернуться за ним не забудь.

Базиль заверил старуху, что заберет сына не позднее первого октября. Потом расцеловал ее, притихшего Митю, вернувшуюся в дом кошку, положил на стол пятьсот рублей и распрощался с ними до осени.

...Два месяца Базиль мотался по Крыму. Алушта, Гурзуф, Ливадия, Ялта, где он только не был. В сентябре планировал перебраться на Кавказ – в бархатный сезон в Сочи можно было озолотиться. Бабе Клаве звонил регулярно, четыре раза в месяц. Выслушивал ее восторги по поводу Митино спокойствия и жалобы на его плохой аппетит, затем спрашивал, не прислать ли денег или дефицитных продуктов, а когда старушка заверяла, что все у них есть, прощался и забывал о них до следующей недели.

Прошел еще месяц. Базиль переключался в Феодосию. Играл, пил, гулял, жил на полную катушку. Бабе Клаве звонил все реже. За лето он отвык от мысли, что у него есть сын, о котором нужно заботиться. Более того, теперь ему казалось, что решение, которое он принял сгоряча, было ошибочным. Благородным, похвальным, но поспешным, бездумным, чисто эмоциональным. Ну какой из него отец? Не в этот год, так в следующий посадят. А то убьют! И что? Мальчишка все равно в детдом попадет, только с ярлыком «сын уголовника». Зачем ему это? Лучше сразу по приезду отдать мальчика в Дом малютки. Авось такого крохотного кто усыновит...

К такой мысли Базиль пришел к концу лета. А в начале сентября, перед тем как отправиться на Кавказ, вспомнил, что не звонил бабе Клаве больше двух недель. Побежал на телеграф. Заказал переговоры с Решетовым. Долго не соединяли, а когда соединили, оказалось, что связь ужасная и почти ничего не слышно. Но главное Базиль понял – баба Клава в больнице (упала в курятнике, сломала шейку бедра), встанет с кровати не скоро, с Митей сейчас по очереди нянчатся соседки, одна из них, Нина, с ним и разговаривала.

Выслушав далекие причитания Нины, Базиль прокричал в ответ: «Завтра приеду!», затем положил трубку, покинул телеграф, быстро собрал вещи и, не попрощавшись с друзьями, поехал в аэропорт.

До Решетова добрался спустя сутки. Усталый, злой на себя. Зачем, спрашивается, сорвался, если решил от сына отказаться? Опять возомнил себя благородным рыцарем? Идиот! Ничего бы с Митькой не случилось – он-то себе ничего не сломал, в больницу не угодил. Жив, здоров, под присмотром. И баба Клава без него не пропадет, врачи с медсестрами за ней ухаживать будут... Потом те же соседи подсобят – в селе народ дружный... Что ему мешало остаться на юге? Сказал бы, приехать не могу, аврал на стройке, не отпускают. Все бы поняли, в том числе баба Клава... Но не мог он так поступить. Совесть, которую, как ему казалось, он давно проиграл в карты, не позволяла. Вот и примчался, как положительный герой индийского фильма за полторы тысячи километров, переплатив за билеты, отвалил кучу денег за такси...

Митя встретил блудного отца радостным повизгиванием: то ли узнал, то ли соскучился по мужской физиономии. Он очень вырос за лето, окреп, на толстых щеках появился яркий румянец, а на голове темный пушок. А вот баба Клава, которая в этот день выписалась из больницы, чтобы встретить Васеньку, выглядела сильно уставшей и похудевшей. И сколько она ни заверяла Базиля, что это не из-за Мити, а только из-за более и перенесенной операции, он все равно во всем винил себя. Сплавил старой женщине грудного ребенка, кинул пять сотен и наплевал. А у нее здоровье уже не то! Устает быстро, хворает часто. Ей о себе думать надо, а не о подкидыше...

Из-за всего этого Базиль решил остаться в Решетово. Пожить у бабы Клавы, пока она не поправится. Зимой ей туго одной придется: дрова наколоть некому, воды наносить, снег почистить, печку натопить тоже, да и за Митькой присмотр нужен, скоро ползать начнет. А весной можно с ними обоими распрощаться. Где-то в апреле вернуться в город, там определить мальчишку в детдом, и в мае отправляться на гастроли.

Так планировал сделать Базиль.

Но сделал все не так.

В апреле оказалось, что маленький Митя стал самым важным человеком в его жизни. Они так много пережили за эту зиму – простуды, аллергии, ушибы, ссадины. Очень многого достигли – пошли в девять месяцев, а в десять разборчиво сказали «Па». Так привыкли засыпать, обнявшись, просыпаться под крик петуха и делать все сообща (рассматривать картинки в журнале, играть в машинки, кидаться мячиками, воровать у бабы Клавы моченые яблоки), что расставание, даже на день, казалось невозможным...

И Базиль надумал осесть в Решетове. Он отремонтировал бабе Клаве дом, сделал теплицы, вычистил колодец, вскопал и засадил огород. Тяжелый физический труд давался ему легко, казалось, что он всю жизнь только тем и занимался, что плотничал, садовничал, строил,

красил, чинил. Естественно, его тянуло в город. Тянуло к друзьям, картам, девочкам. Особенно вечерами, когда он курил на крыльце и вспоминал свои бывшие приключения. Иногда, в дождливые осенние дни, ему становилось нестерпимо тошно, тогда он остро скучал по своей шальной жизни и порывался смотаться. Однажды не удержался – сел в поезд, шедший в родной город, но вышел на первой станции и вернулся в Решетово: к Мите, к бабе Клаве... К своей новой семье. К своим единственным друзьям. К тем, ради кого он пожертвовал своей «дольче витой»...

Неизвестно, насколько хватило бы его решимости, если бы не смерть бабы Клавы. Старушка умерла в октябре. Скоропостижно. Уснула и не проснулась. Врачи сказали, оторвался тромб.

Хоронили ее всем поселком. У гроба Базиль по-детски расплакался, а маленький Митя, пока не понимавший, что такое горечь утраты, его успокаивал – гладил по голове, целовал в мокрый нос.

После смерти бабы Клавы дом, который Базиль с таким старанием ремонтировал, достался дальней родственнице старушки. Пришлось семье Голушко из него вымататься. Собрав пожитки, взяв в одну руку Митю, в другую кошку Мурку, Базиль пошел на станцию. В город он возвращаться не собирался (там он точно сорвется), но и в Решетове оставаться не хотел. А вот соседний городок Калинов, небольшой, уютный, спокойный, как нельзя лучше подходил для жизни. Туда Голушко и переселились. Сняли дом. Базиль собрался определить Митю в ясли, но тут возникла большая трудность. А заключалась она в том, что по документам он приходился Мите... *никем*. Дяденькой чужим. Гражданином, не имеющим на ребенка никаких прав. Отцовство его ничем не подтверждалось – анализ на ДНК в то время не проводили, а родимое пятно на заднице для бюрократов не являлось доказательством. Но Базиль эту трудность все же таки преодолел, – спасибо курортным лохам, чьи бабки пошли на взятки всевозможным чиновникам.

Когда страсти с документами поутихли, а шальные денежки кончились, Базилю пришлось устраиваться на работу. Устроился. В часовую мастерскую. Гибкие пальцы карточного шулера отлично справлялись с малюсенькими шестеренками. Конечно, Василий не распрощался со своим основным занятием, но теперь играл очень редко и очень осторожно – боялся вляпаться. Посадят, а ребенка куда девать?

Так и жили: Митя ходил в сад, потом учился в школе, Василий работал в мастерской, вечерами подкалывал на дому, чиня всевозможные механизмы. По выходным семья Голушко отправлялась на природу, то на лыжах покататься, то порыбачить. Когда Митрофан окончил школу, Базиль решил, что настало время перебираться обратно в город – в Калинове высших учебных заведений не было, а сын хотел учиться только на юриста.

Перебрались. Базиль обменял свою старую квартиру на «двушку» в новом городском микрорайоне. Старший Голушко устроился на работу в телемастерскую, младший поступил на юрфак, заявив отцу о своем намерении стать следователем. Это известие повергло Василия в шок (ментов он по старой привычке недолюбливал), но у него хватило ума не препятствовать сыну – толку все равно не будет, а отношения испортятся. Тогда же Базиль прекратил играть. Совсем. Он понимал, что теперь не может себе позволить даже минимальный риск: у милиционера не должно быть отца зэка.

Поначалу без игры было трудно, но так как у Базилия было две страсти: карты и женщины, то он восполнил недостаток одного избытком другого. Любовниц Василий менял, как когда-то партнеров по покеру, то есть очень часто. Он так и не женился, несмотря на то, что желающих влиться в лоно семьи Голушко было немало – по Базилю сходили с ума все: соседки, коллеги по работе, родительницы одноклассников, учительницы сына, врачихи, а затем Митины одноклассницы и преподавательницы. Но Василий решил, что их семья будет состоять из двух членов до тех пор, пока не женится Митя.

Но сын такого желания не изъяслял, ни в двадцать, ни в двадцать пять, ни в тридцать. Созрел он только в тридцать два, когда отец уже начал беспокоиться, не влился ли его Митенька в стройные ряды гомосексуалистов, или того хуже, импотентов. Но не влился, как оказалось, поскольку сын наконец окольцевался.

Итак, Митя привел в дом жену: милую, тихую, нежную Сонечку. Где только откопал такую незабудку? Личико одухотворенное, голосок тихий, волосы в косичку, все три платья закрывают колени. То ли училка, то ли воспиталка. Естественно, писала стихи и много читала. Была чистюлей и очень любила готовить. До замужества жила с мамой и кастрированным котом. Ей было чуть за тридцать, но она, как пить дать, до первой брачной ночи оставалась девственницей. Базилью она нравилась. Конечно, сам он на такой пресной особе никогда бы не женился, но для Мити она была просто находкой.

Первый месяц молодые жили хорошо: Сонечка вязала салфетки крючком, пекла блины, убиралась, стирала и гладила, а ночами читала мужу стихи (точно, читала – Базиль под дверью подслушивал). Мите, судя по всему, все это нравилось, даже ночные рифмочтения. Но через какое-то время стал Базиль замечать, что сынок приходит с работы все позже и позже, блины ест с меньшим аппетитом, а стихов вообще не слушает – храпит ночами так громко, что окна дрожат. Любовницу завел – решил Базиль и очень за сына порадовался. Оказалось, зря, ни о какой любовнице и речи нет, просто Митю до зубовного скрежета раздражает его милая, нежная, идеальная жена. Все в ней: ее голос, походка, косичка; все, что она делает: салфетки, пироги; все, что сочиняет: стихи, поэмы, оды – все это Митя не выносил!

Это от сексуальной неудовлетворенности, решил Базиль, и дал сыну совет: «Разводись».

Митрофан развелся и больше не предпринимал попыток не только жениться, но даже завести с женщиной полусерьезные отношения. Так до сих пор и живет монахом, думая только о работе: убегает чуть свет, возвращается глубоким вечером с толстой папкой подмышкой и до ночи изучает ее содержимое. Базиль как-то заглянул в одну, хотел проверить, не посматривает ли сынуля втихаря порнофотографии, прикрыв их картонной папкой с надписью «Дело», но нет, вместо соблазнительных красоток на снимках были изображены трупы далеко не соблазнительного вида... Это как же надо любить свою работу, чтоб по собственноручной воле глазеть на такое безобразие в часы досуга! Хоть бы в кафе сходил, в кино, в стрипклуб, наконец, так нет, сидит вечерами на диване, грызет сыр с тухлятиной и читает свои дела с таким увлечением, будто это великие произведения гениальных авторов...

Пока Базиль гонял в голове эти мысли, к церковному забору подгрела куча оборванцев, вынырнув из-за мусорных бачков, стоявших во дворе соседнего дома. От нее отделился один: рябой, синеносый, с бельмом на глазу, и вихлястой походкой направился к сидящему на каменном выступе Голушко.

– Ты че тут расселся, дядя? – спросил он, смачно сплюнув через гнилые зубы. – Здеся все места заняты.

– Я просто сажу, отдыхаю.

– А ну катись отсюда, гнида, пока тебе бока не намяли! Здеся просто не сидят, понял? – И воинственный нищий сунул под нос Базилью покрытый цыпками и волдырями кулак.

Василий, прищурившись, глянул поверх кулака в глаза оборванца и процедил:

– Ты на кого батон крошишь, вша поднарая?

– Че? – опешил рябой.

– Ты кого «гнидой» обозвал, чмо? Да за такие слова... – Базиль продемонстрировал свой кулак: крупный, покрытый старыми белыми шрамами и такими же старыми синими наколками. – За такие слова я тебе глаз на жопу натяну... Понял?

Даже несмотря на то что за последние десятилетия тюремный жаргон сильно изменился, рябой Базиля понял.

– Прости, братан, – пробухтел он, пятясь. – Прости, не врубился я, что к чему... Думал, ты тут поработать решил, а у нас строго – чужаков без прописки не пускаем...

– Канай давай отсюда, пока я добрый...

– Так ты местечко мое занял...

– Сказал – отдохну, уйду, – прикрикнул на оборванца Базиль, затем вынул из кармана сотовый телефон, чтобы позвонить сыну.

Мобильник был старый, давно не модный «Сименс С25»: крупный, квадратный с большой, обкусанной кем-то антенной, но Базиль привык к нему и ни за что не соглашался принять от Мити в подарок другой, более современный. Этот он нашел на помойке пять лет назад, в те времена о такой роскоши, как сотовый телефон, основная часть населения только мечтала, поэтому Василий, обнаружив разбитый аппарат в бачке, не побрезговал его вынуть. Оказалось, что «Сименс» не совсем «убитый», его еще можно починить. Базиль починил (для него это раз плюнуть!) и с тех пор с аппаратом не расставался.

– Слышь, братан, – обратился к Базилю склочный попрошайка. – Тут фигово ловит, ты за угол заверни...

Голушко надменно кивнул, поднялся с насиженного места и, как подсказывали, завернул за угол, но не потому, что искал, где лучше ловит (его аппарат везде ловил одинаково хорошо), просто ему надоело пристальное внимание церковных попрошаек.

Только Базиль обогнул забор, как наткнулся взглядом на раздрыганный милицейский «козел», стоявший у подъезда старинного трехэтажного особняка. Из кабины драндулета высывалась знакомая вихрастая голова Митиного приятеля Лешки Смирнова.

– Леха! – окликнул его Василий, направляясь через двор к «козелку». – А где Митя?

Смирнов удивленно уставился на Базилья и вместо ответа спросил:

– А вы что тут делаете?

– Мимо шел. Где Митя?

– Разговаривает с соседями потерпевшей, а что?

– Да я ему шарф купил, хотел, чтоб он примерил...

– А зачем шарф примерять, это ж не пиджак, который может жать в плечах?

– Надо посмотреть к лицу ли, – наставительно сказал Базиль.

– А до вечера это не может подождать? У нас все же работа...

– Может, – смиростивился Базиль и с едва сдерживаемым любопытством спросил: – Что у вас случилось?

– Убийство.

– Все ясно! Значит, сегодня ночью Митька опять будет фотографии жмурика разглядывать! – Базиль сплюнул. – Было бы на что смотреть!

– Василь Дмитрич, поверьте, – Леха стыдливо откашлялся, – там есть на что посмотреть...

Он хотел еще что-то добавить, но не стал, потому что к машине подошел Митрофан с гневным возгласом:

– Это не дом работников искусства, а интернат для слепоглухонемых!

– Как я понимаю, соседи ничего вразумительно сказать не смогли? – хмыкнул Леха.

– Они и не пытались! – гаркнул Митрофан, а потом несвойственным ему фальцетом запищал: – У нас не принято подглядывать за соседями... Мы люди интеллигентные... – Он закатил глаза. – Богема, блин!

– Да уж, из этих людей искусства те еще свидетели! – поддакнул Леха.

– Тут еще что плохо: дом стоит в стороне от остальных, проезжая часть далеко, и двор закрыт церковным забором – поэтому на случайных свидетелей рассчитывать не приходится!

– Может, со сторожем с автостоянки поговорить? Она тут недалеко, у соседнего дома...

– С дворником тоже побеседовать не мешает...

– Вы лучше прицерковных попрошаек расспросите, – подал голос Базиль. – Кто-то из них, наверняка, ночует, не отходя от рабочего места...

– Папа!? – полувопросительно, полувозмущенно протянул Митрофан. – А ты тут как оказался?

– Шел мимо, увидел вашу машину, решил подойти поздороваться.

– Здравствуй, папа, и... до свидания! Я на работе, так что...

– У сторожа автостоянки спросите, знакома ли им машина желтого цвета марки «Фольксваген»-жук...

– Это еще что за «жук»?

– Девушка на такой машине чуть меня не сшибла...

– И ты думаешь подать на нее в суд? – с укоризной спросил Митя.

– Я думаю, что она неспроста так уносилась от этого дома! – повысил голос Базиль. – Думаю, что девушка на той машине может быть подругой, коллегой, родственницей... – Он сделал паузу. – Или убийцей!

– Час от часу не легче! – простонал Митрофан.

– Убийцы любят возвращаться к месту преступления, я читал об этом, – не сдавался Базиль.

– Номер машины запомнил?

– Нет, а девушку да. Могу описать.

– Ну давай, – Митрофан тяжело вздохнул, – описывай.

– Лет не больше тридцати. Красивая, даже очень. Волосы русые, глаза светлые, нос римский...

– Когда ж ты успел разглядеть какой формы ее нос?

– У меня фотографическая память... на красивые женские лица.

– Особые приметы?

– Скорее всего, очень маленького роста, не больше метра пятидесяти – над рулем была видна только голова...

– Отлично, Василий Дмитрич, – совершенно искренне похвалил старика Смирнов. – Все бы наши свидетели имели такую память и способность к логическому мышлению.

Ободренный похвалой, Базиль с энтузиазмом предложил:

– А хотите, я церковных попрошаек сам расспрошу? От вас они могут что-то из вредности утаить, а мне все как на духу...

– Папа, – строго проговорил Митрофан. – Тебе пора идти домой, варить рассольник.

– Митя, я хочу помочь...

– Ты уже помог – описал девушку, больше от тебя ничего не требуется...

– Но...

– Папа, пожалуйста! – взмолился Митрофан. – Дай мне спокойно работать!

– Ладно, я ухожу, – обиженно буркнул Базиль и, демонстративно не глядя на сына, попрощался с Лехой – До свидания...

– До скорого, Василь Дмитрич! – кивнул в ответ Смирнов. – Пока!

Базиль неспешно отошел от «козла», завернул за угол, прошел по тропке, но направился не к автобусной остановке, а к церковным воротам, у которых паслись давешние попрошайки. Рассольник он всегда успеет сварить!



## Марго

Желтый «Фольксваген» вкатил на стоянку «Экзотика» на такой бешеной скорости, что гуляющие по асфальту голуби едва успели отлететь. Из кабины тут же показалась взлохмаченная голова Марго, затем и она сама – девушка буквально вывалилась наружу, бухнувшись в ноги проходящей мимо Мадам.

– Милочка, что с тобой? Ты не заболела? – Участливо заговорила та, поднимая Марго с асфальта.

– Афа... Афа-фа-фа, – невразумительно забормотала Марго, стуча зубами. – Афа!

– Ты пытаешься лаять или говорить об Афродите?

– Афа... Афа-фа умерла!

– Что? Что ты сказала?

– Ее убили! – истерично выкрикнула Марго и опять начала заваливаться на асфальт.

Мадам подхватила ее за подмышки и поволокла к своему флигельку. Хозяйка была дамой в теле, а Марго весила не больше сорока пяти кило, поэтому добрались они без проблем и быстро, и спустя пару минут девушка уже полулежала на тахте, икая и всхлипывая, а Мадам стояла у бара, наливая в стопку какую-то коричневую жидкость. Когда Марго начала рыдать в голос, хозяйка протянула ей полную рюмку и скомандовала:

– Пей!

Марго послушно выпила, заела предложенной конфетой и передернулась – напиток оказался жутко противным.

– Что это было?

– Настойка пиона!

– А я думала, вы мне коньяк наливаете, – пробормотала девушка и засунула в рот остатки конфеты, чтобы отбить горечь.

– Тебе бы он не помог... – Мадам отобрала у нее пустую стопку, поставила на стол и, опустившись на кушетку рядом с Марго, велела: – А теперь внятно, четко, без истерики расскажи все, что знаешь.

– Ничего я не знаю! Только видела!

– Я сказала – без истерики, – нахмурила свои выщипанные в ниточку брови Мадам. – Что ты видела?

– Как ее менты выносят! Мертвую!

Мадам на мгновение прикрыла глаза, наверняка, чтобы справиться со слезами – все знали, что Афа была любимицей хозяйки и ее лучшей девочкой, затем открыла их и прошептала:

– Доигралась...

– Доигралась? – переспросила Марго.

– Я ведь ее предупреждала! – Мадам сокрушенно покачала головой. – Никогда меня не слушала... И вот пожалуйста – убили!

– Вы знаете из-за чего? – почему-то шепотом спросила Марго.

– Догадываюсь...

– Из ревности, да?

Мадам расхохоталась.

– Маргоша, какая ты наивная... Ревность! Ха! Из-за нее только в кино убивают!

– Почему же? Вот я смотрела по ТНТ передачу «Цена любви», так там...

– Афродита была шантажисткой!

– Афа? Шантажисткой? – не поверила Марго.

– А ты думаешь, откуда у нее столько денег?

– Как откуда? Из Германии...

– Те марки она давно истратила! Да и что она там заработала! – Мадам махнула холеной кистью. – Мелочь! Десять тысяч за фильм, а снялась всего в десяти...

– Так это сто кусков! – вытаращила глаза Марго.

– Что такое сто кусков для такой девушки, как Афродита? Мелочь на булавки! Одна ее квартира стоит сто двадцать, не говоря о машине, даче, обстановке... А еще счета в нескольких банках... – Мадам опять прикрыла глаза, только теперь это не помогло – по щеке заструилась слеза. – Она копила на старость. Говорила, что в сорок уйдет на покой и переедет жить в деревню...

– Будет сажать редис и разводить кроликов, – закончила Марго.

– Кроликов! – сквозь слезы рассмеялась Мадам. – Ты можешь представить Афу, убирающую дерьмо за грызунами?

Из глаз Марго брызнули слезы, хозяйка тоже перестала сдерживаться – они обе зарыдали, обняв друг друга за плечи.

Первой закончила реветь Марго, она вытерла лицо рукавом футболки (вечно забывала брать с собой платки) и спросила:

– А кого Афа шантажировала?

– Своих любовников, конечно. Клиентов не смела – меня боялась, она знала, как я к этому отношусь...

– И как шантажировала?

– Снимала половой акт с ними на цифровую камеру, именно на цифровую, чтобы фотографии делать!

– Зачем?

– Сейчас покажу, – сказала Мадам, доставая из ящика стола фотоснимок. – Смотри.

Марго взяла фотографию, поднесла к свету, посмотрела. На ней был запечатлен известный городской политик, занимающийся сексом с женщиной: политик был взят крупным планом, зато его партнер почти не вошел в кадр – на фото было видно только его мужское достоинство и часть спины.

– Это Афродита? – на всякий случай спросила Марго, хотя сама уже знала, что она.

– Да. Но это мы с тобой знаем, что член принадлежит женщине, а другие... – Мадам убрала снимок обратно в стол. – Наши политики, а ты знаешь, что Афа специализировалась по депутатам и их близким помощникам, очень боялся клейма «педик». Секс с проститутками, как выяснилось после случая с одним бывшим генеральным прокурором, не вызывает особого возмущения у народа и коллег. Но секс с женщиной – это совсем другое! Мы терпим голубых только на эстраде, а в политике – извините! – Она кивнула головой на ящик стола, в который убрала снимок. – Эти фотки шли в ход тогда, когда клиенты отказывались платить за видеозаписи секса с проституткой-гермафродитом. И, если верить Афе, всегда действовали безотказно...

– Вы думаете, ее убили из-за этого?

– Скорее всего, очередной жертве не захотелось платить. Или надоело платить! Афа была жадной: она много требовала и не сразу отставала – трясла мужиков по нескольку раз... – Мадам осуждающе покачала головой. – Она, что называется, борзела... Наверняка, кто-то из ее жертв решил, что легче один раз заплатить киллеру, чем всю жизнь башлять шантажистке...

– Мадам! – вскричала Марго, перебивая хозяйку. – Вы должны сказать об этом милиции!

– Милиции? – безразлично сморщилась та. – С какой стати я буду что-то рассказывать мусорам?

– О, вы же еще не все знаете! Я не успела вам... – Маргарита опять начала волноваться. – Понимаете, в квартире была расписка, порванная... На много кусков! Они же могут подумать, что это я...

Мадам тряхнула девушку за плечи и приказала:

– Ну-ка успокойся! – Затем, когда Марго перестала трястись, спросила уже более ласково. – Ну что еще ты не успела мне рассказать?

– Я должна Афе пятнадцать тысяч евро, менты могут подумать, что это я убила ее, чтобы деньги не возвращать... А у меня алиби нет!

– Как нет?

– Я здесь уснула в четыре с чем-то и проснулась полдевятого. Вдруг Афу убили именно в это время?

На простоватом, ярко накрашенном лице мадам появилось задумчивое выражение.

– Мне крышка, да? – обеспокоенно спросила Марго.

– По мнению мусоров, пятнадцать тонн – это большие деньги, – ответила та после паузы. – Ты можешь войти в круг подозреваемых...

– А я что говорю! Вы должны им рассказать...

– Я не буду им ничего рассказывать!

– Почему?

– Есть две причины: объективная и субъективная. С какой начать?

– С объективной.

– Все жертвы Афиного шантажа – очень влиятельные люди. Среди них есть даже вице-губернатор...

– И что?

– А то, что я не собираюсь портить отношения с этими господами. Любому из них по силам прикрыть нашу лавочку в считанные дни. – Мадам остро посмотрела на Марго. – А субъективная причина заключается в том, что я никогда, слышишь, никогда не буду помогать мусорам! Мы по разные стороны баррикад! А я из тех, кто не идет на сделку с врагом!

Глаза Мадам полыхнули огнем, а на лице отразилась такая ненависть, что Марго опешила. Она, конечно, знала о негативном отношении хозяйки к органам правопорядка, но все равно не ждала настолько бурной реакции.

– А как же я? – прошептала Марго, преданно глядя в глаза хозяйки.

– А что ты? – пожала та плечами. – С тобой все будет в порядке.

– Как в порядке? Вы же сами сказали, что я войду в круг подозреваемых...

– Как войдешь, так и выйдешь.

– А если нет?

– Тогда и думать будем. – Видя, как сморщилось лицо Марго, Мадам обняла ее и успокаивающе заговорила: – Ну что ты так разволновалась, дурочка? Подумаешь, расписка, подумаешь, алиби нет... Да если надо, я тебе такое алиби обеспечу – закачаешься!

– А что мне сейчас делать? Куда идти? В квартиру к Афе?

– Никуда не ходи, здесь оставайся. Документы у тебя, надеюсь, с собой?

– С собой, – шмыгнула носом Марго.

– Ну и все. – Мадам погладила девушку по голове. – Устраивайся в Афиных апартаментах. Живи. К клиентам пока не выходи – денек-другой посидишь в подполье, пока я все не разузнаю...

– А если сюда милиция нагрянет, что мне говорить?

– Ты подполье, девочка! Сидишь, не высываешься, даже когда мусора нагрянут... – Она разжала объятия. – Иди. А я пока позвоню одному своему приятелю, может, он уже в курсе дела...

Марго поднялась с кушетки и на ватных ногах поплелась к двери.

Выйдя во двор, она опять опустилась на пятую точку – идти дальше не было сил. И глаза почему-то очень резал солнечный свет, Марго опустила голову на колени и замерла, устремив

взгляд в траву. Неизвестно, сколько бы она так просидела, если бы через несколько минут над ней не нависла огромная черная тень.

– Кто тут? – в ужасе воскликнула Марго, вскидывая голову.

Перед ней стояла Венера. В цветастом балахоне, с алой помадой на полных губах, с копной выкрашенных в красный цвет волос, она походила на гигантскую клумбу.

– Ты че расселась? – спросила «клумба» с интересом. – Поплохело, что ли?

– Что-то ноги не идут...

– Давай подмогну, – предложила Венера, протягивая белую в ямочках руку. – Куда подбросить?

– К Афе в апартаменты.

– За фигом?

Пока Марго придумывала достаточно убедительный ответ, Венера ошарашила ее вопросом:

– Слыхала, что ее кокнули?

– Что ты сказала? – не поверила своим ушам Марго.

– Убили, говорю, нашу Афу. – Венера легко подняла Марго с земли и, обняв, повела к кухне. – Застрелили.

– Откуда ты знаешь?

– Подслушала. – Она кивнула на окно флигелька мадам. – Она там по телефону с кем-то треплется, а я ушки погрела...

– Значит, Афу застрелили, – задумчиво проговорила Марго.

– Две пули с близкого расстояния... – Венера ткнула свой похожий на сардельку палец в грудь Марго и сказала: – Пах, пах – и нет Афродиты! Допрыгалась, козочка!

– Кто ее, как ты думаешь?

– Ясно, кто – бывший сутенер!

– Какой еще сутенер?

– Ну продюсер. Гриша Коньяков по кличке Конь. Он ее в Германию отправил, контракт с немцами заключил на пять лет. А она через два года сбежала. Неустойку ему пришлось платить из своего кармана. Как ты понимаешь, Коню это не понравилось... – Венера открыла кухонную дверь ногой, долбанув по ней так, что задрожали стекла. – И я слышала, что он не раз грозился ее пришить...

Они вошли в кухню. Венера усадила Марго на диван, сама взгромоздилась на стул, достала из сумки шоколадку и начала жадно есть.

– Обожаю сладкое, – сказала она, причмокивая от удовольствия. – И часа не могу без него прожить!

Марго это знала. А еще ей было известно, что Венера не может жить без икры, окорока, солями, балыка и прочих гастрономических яств жуткой калорийности. Когда-то Валечка (на такое имя Венера отзывалась и по сей день) была довольно стройной – весила семьдесят кило. Но после развода, тогда ей было двадцать два, она впала в затяжную депрессию, из которой ее вывел шоколад. Оказалось, что жизнь не кажется такой мрачной после того, как в твоём желудку оказывается плитка «Вдохновения».

Развод давно остался в прошлом, как и депрессия, но страсть к еде осталась. И Венера ела, тратя на деликатесы все свои заработки, набирая и набирая килограммы. Вкусная пища стала для нее наркотиком, от которого она не могла отказаться даже под страхом смерти. А страх был! Врачи твердили Вале, что если она не похудеет, то скоро умрет, но она отвечала, что лучше смерть, чем жизнь на капусте и морковке. К тому же стройная Валечка не нужна была клиентам «Экзотика». Они хотели стапятидесятикилограммовую Венеру, с огромными грудями, необъятными ляжками, многоярусным животом, с целлюлитом, складками, ямками,

их не волновало, что через несколько лет ее сердце не справится с колоссальной нагрузкой, и их любимая слоноподобная Венера умрет...

– Обалденный шоколад, – промурлыкала Венера, доев плитку и облизав пальцы. – Давешние немцы подарили... Кстати, один из них у меня визитку выклянчил, сказал, что заглянет перед отъездом...

Марго кивала, но трепотню Венеры слушала вполуха, ее занимал совсем другой вопрос – как долго продлится ее домашний арест... Да, она не сомневалась, что Мадам отправила ее в подполье не столько из-за сострадания, сколько из боязни, что проблемы Марго могут плохо сказаться на делах ее детища – борделя «Экзотик»...

– Ты меня не слушаешь, – обиженно буркнула Венера, выудив из сумки еще одну шоколадку, теперь уже отечественную. – Я распинаясь, распинаясь...

Марго рассеянно улыбнулась и по-прежнему задумчиво спросила:

– Валь, а ты не знаешь, почему Мадам так ментов не любит?

– Конечно, знаю, – Венера протянула Марго одну дольку, а остальную плитку целиком закинула в рот. – А ты не в курсе, потому что новенькая... Ты ведь всего пару лет у нас работаешь?

– Два года и три месяца.

– Ну вот! А я тут с самого начала, так что вся история разворачивалась на моих глазах...

– Какая история?

– Любви Мадам и Моцарта.

– Любви? – ошарашенно переспросила Марго. – Наша железная леди способна любить?

– Еще как! – Венера почмокала своими полными губами с разползшейся помадой и простонала: – Она по нему с ума сходила! Мне даже кажется, что она до сих пор его любит...

– Кого?

– Да говорю же – Моцарта!

– Вольфганга Амадея? Композитора?

– Какой Амадей? Какой композитор? – Венера возмущенно засопела. – Моцарт – вор в законе! Известнейший в городе преступный авторитет!

– Я о таком не слышала...

– Правильно, потому что его посадили до того, как ты сюда пришла, а мы: я, Афа, Багира и прочие, очень хорошо его знали – он был мужем Мадам.

– Мужем? – ахнула Марго. – Настоящим?

– Самым настоящим, то есть законным. Они познакомились давным-давно, когда Мадам работала девочкой по вызову – Моцарт был ее постоянным клиентом. Потом его посадили, а она ему письма, передачи... Года два он оттарабанил, еще столько же оставалось, когда он бежать решил... Поймали его, естественно, еще трешку накинули, тогда Мадам к нему – жениться... Ну чтоб свиданки давали...

– Вот это да! – пораженно протянула Марго – она не ожидала от Мадам такой самоотверженности.

– Дождалась она его. Вышел Моцарт из тюрьмы королем. При положении. – Венера растопырила пальцы и приставила их к голове, изображая корону. – Стал такими делами ворочать, что мама не горюй! Бабки рекой! Мадам из борделя забрал (она к тому времени из проститутки в диспетчеры переквалифицировалась – старая стала для панели), в меха и драгоценности обрядил. Только ей скучно было дома сидеть, в потолок плевать – не тот она человек. Тогда Моцарт купил ей этот особняк, кинул деньжонок на раскрутку, с кем надо договорился, и в 1999 году открылся «Экзотик». Мадам стала хозяйкой, Моцарт гостем дорогим! Самым почетным клиентом!

– Он вас э... – Марго замялась, подбирая нужное слово, но так и не подобрала, поэтому спросила: – А как на это реагировала Мадам?

– Нормально. Она же мудрая женщина, понимала, что такой мужик, как Моцарт, верность хранить не будет, вот и решила: пусть лучше он с ее девочками оттягивается, чем с какими-то шалашовками... – Венера рассмеялась. – Веришь, нет, такая идиллия была... Он ночью закатится с друзьями, в дым пьяный, все ночь гудит, мебель ломает, бутылки бьет, под утро двух девочек с собой в кровать уволочет, отымеет, а когда проспится, Мадам ему стопку водки в постель и стакан сока, чтоб головка у него не болела.

– Ты с ним тоже спала?

– Один раз – в самом начале, – хмыкнула Венера. – Он тогда нас всех на профпригодность проверял... А так у него две любимицы было – Афродита и Кики!

– Кики? Это еще кто такая?

– Ты ее тоже не застала. Ее убили в перестрелке, когда Моцарта брали...

– А за что его?

– Сейчас расскажу, погоди, – Венера пошарила в сумке, надеясь отыскать еще одну шоколадку, но не нашла, поэтому тяжело вздохнула, сунула в рот жвачку и продолжила повествование. – Менты под Моцарта долго копали, только никак подкопаться не могли, потому что из вора он превратился в легального бизнесмена, а лишних людей убирал чужими руками... Но очень уж им хотелось его прижучить, поэтому подсадили они как-то за игровой стол в казино, где Моцарт обычно в покер резался, своего. Тот начал откровенно шельмовать. Моцарту это не понравилось, о чем он сообщил шулеру в резкой форме, ментовская утка тут же обозвала вора в законе «сучим потрохом» и еще какими-то жуткими словами... Моцарт вместо того, чтобы натравить на обидчика своих мальчиков – ринулся бить тому морду самостоятельно. Да еще пушку вынул... А там ментов, как фишек – тут же его скрутили... И все бы ничего – при хороших адвокатах отделался бы Моцарт небольшим (по его меркам, конечно) штрафом, но он, когда выпьет, бешеный, а в тот вечер ему специально подливали, ну и начал он орать своим мальчикам, чтоб надавали ментам позорным по харям, чтоб впредь на понт не брали! Началась перестрелка. Двое погибли: телохранитель Моцарта и Кики... – Венера вздохнула. – А Моцарт опять в тюрьму угодил. Теперь надолго...

– А Мадам?

– Пишет, ездит, говорит, что из чувства долга и благодарности, а мне кажется – по-прежнему его любит...

– А ментов она после этого невзлюбила?

– Она и раньше их не жаловала, а как они ее милого Цылю (она так его называла: Цыля, Цылечка или Мотя) за решетку упекли – возненавидела... Вот такая история! – Венера, кряхтя, встала со стула, одернула собравшееся на бедрах платье. – Пошли, что ли? А то мне уматывать пора...

– Ты же только приехала...

– Я на минутку заскочила – за бельцом. Надо свои парашюты и парные чепчики в прачечную сдать. Хотела вчера захватить, да с этими фрицами совсем забыла... – Тут она встрепенулась. – Кстати, ты во сколько ночью отчалила?

– Я утром.

– Тогда почему ты не знаешь, что Афу убили? – она подозрительно прищурилась. – Ты же с ней жила?

Марго слотнула.

– Я сразу на рынок... За отваром... – залепетала она. – Домой хотела позже... А теперь и не знаю...

– Слушай, а у твоей бабки нет отвара для похудения? Я бы купила...

– Не знаю...

– Узнай, будь другом! Я опять два кило набрала. И это только за месяц! Если так пойдет, до тридцатника не доживу!



– Ты хоть про смерть не болтай! – в сердцах воскликнула Марго и ткнула Венеру под жировую складку на талии. – Хватит с нас Афродиты...

– Это точно! Если еще я коней двину, бордель придется закрывать! Но ты не думай, я еще не скоро упокоюсь! Кило сорок у меня в запасе есть! – Она ободряюще шлепнула Марго по плечу и весело сказала: – И из-за Афки не расстраивайся, она и на том свете хорошо пристроится... А домой не езд. Живи тут. Может, еще пронесет – найдут убийцу раньше, чем до нашего борделя доберутся.

– А если нет?

– Тогда нам всем придется выступить в качестве свидетелей... Задолбают расспросами! А то еще могут заподозрить в убийстве!

– Кого? – упавшим голосом спросила Марго.

– Тебя, меня, Еву – да каждую! Афа же звезда нашего борделя, самая высокооплачиваемая проститутка. Могут подумать, что мы ее из зависти или, чтобы убрать конкурентку...

– А мы им про Коня скажем, тогда они от нас отстанут!

– С ума сошла! – в ужасе воскликнула Венера. – Конь этого не простит – грохнет на фиг! Надо делать вид, что мы ничего не знаем, ничего не ведаем! А лучше вообще в подполье уйти...

– Я уже уйду – мне Мадам разрешила, – с гордостью сообщила Марго. – Даже к клиентам позволила не выходить...

– Везет, а нам сегодня работать! Мадам говорила, что два англичанина специально из своей заграницы приехали, чтоб наш бордель посетить!

– Врет, наверное...

– Наверное, но работать все равно придется, – Венера взяла Маргариту под руку. – Пошли, подружка, провожу тебя в твоё подполье... Кстати, комната Афки идеальное место для того, кто хочет переждать бурю! Я бы сама в такой пожила!

Да уж, апартаменты Афродиты были самыми роскошными в особняке. Состояли они из огромной спальни и такой же большой ванной комнаты. В первой имелась гигантская кровать с зеркальными спинками, стулья, стол, трюмо в стиле какого-то Людовика, видеодвойка, спрятанная в нише (чтоб показывать клиентам фильмы с Афой в главной роли), стереосистема, кондиционер. А во второй – ванна с гидромассажем, душевая кабина, биде. Но самое большое достоинство апартаментов – окна. Их было три. Одно, огромное, во всю стену спальни, выходило в сад, второе, из ванной, смотрело на церковь, а третье, спрятанное за драпировкой, на винтовую лестницу, ведущую вниз, из него можно было наблюдать, что творится в гостиной. Последнее окошко со стороны коридора выглядело, как обычное зеркало.

– Про окно-зеркало знаешь? – будто прочитав мысли Марго, спросила Венера.

– Конечно, мы с Афой часто в него подглядывали...

– Это Моцарт такое стекло велел врезать.

– Зачем?

– До Афки эти апартаменты он занимал. Для себя расстарался. Потом между комнатами такие окна-зеркала хотел сделать, чтобы за всеми подглядывать – извращенец он был еще тот!

Тем временем они поднялись по лестнице на второй этаж и остановились как раз у убранного в красивую золоченую раму зеркала.

– Не отличишь от обычного, – хмыкнула Венера, глянув на свое отражение. – Но это не все сюрпризы, которые ждут тебя в апартаментах Моцарта.

– Что еще?

– Есть потайная дверь, тебе Афа про нее не говорила?

Марго отрицательно покачала головой.

– За драпировкой, смотри, – и Венера, введя Марго в комнату, указала на вторую портьеру, висящую параллельно той, за которой скрывалось окно.

Марго отдернула ее и увидела в стене деревянную дверь. Она была настолько мала, что пройти в нее, не сгибаясь, могла только такая дюймовочка, как она сама.

– Почему такая малюсенькая? – спросила Марго, подергав за ручку – дверь оказалась запертой.

– Моцарт был чуть повыше тебя – где-то метр шестьдесят. Ему и такой хватало. – Венера поковыряла пальцем в замочной скважине. – Тебе бы ключ раздобыть – вдруг придется бегством спасаться...

– От кого спасаться?

– Мало ли, – туманно ответила та. – Вдруг Афу маньяк убил, тогда любая из нас может стать очередной жертвой...

– Ты ведь это не всерьез? – испуганно пискнула Марго.

– Нет, конечно. Но всякое может быть... Нам теперь надо быть вдвойне осторожными, – проговорила Венера трагичным шепотом. Затем глубоко вздохнула и добавила: – Так что ключ у мадам спроси. На всякий пожарный. А лучше здесь поищи – у Афы он, наверняка, был...

С этими словами Венера покинула комнату, оставив Марго один на один со страхом.

Как только дверь за гостьей захлопнулась, подпольщица повалилась на кровать, накрывшись с головой подушкой. Конечно, это не помогало избавиться от страха до конца, но немного успокаивало... Помнится, в детстве она всегда закутывалась в ватное одеяло, как в кокон, и лежала так в духоте и темноте, пока не переставала нервничать... Тогда этот метод действовал, как никакой другой! Может, и сейчас поможет?

Помогло! Полежав немного в полной темноте, Марго поняла, что успокоилась достаточно – во всяком случае, думать она уже способна, что хорошо.

Она откинула подушку, перевернулась на спину и, устремив взгляд в потолочное зеркало, стала размышлять...

Итак, Афродита шантажистка! Это известие взволновало Марго больше других, потому что многое объясняло... Мадам правильно сказала: любая из жертв Афы могла нанять киллера, чтобы избавиться от наглой шантажистки. Теперь все ясно – Афродита погибла из-за своей жадности и нечистоплотности! Конечно, Афу все равно жалко, но теперь, по крайней мере, не стоит трястись за собственную шкуру...

Если Афродиту убил Конь, тоже не страшно. Но если ее убрал кто-то из девочек... Почему-то до того, как эту мысль озвучила Венера, Марго она в голову не приходила. Они все (Афа, Марго, Венера, Ева Браун, Жизель, Далила, Багира, Черная Мамба) были в хороших отношениях, не ссорились из-за клиентов и гонораров, и первенство Афродиты никто никогда не пытался оспаривать – все были согласны с тем, что она королева «Экзотика»...

И маньяки тут ни при чем! Где это видано, чтоб серийные убийцы умертвляли своих жертв при помощи пистолетов? Они режут, душат, истязают до смерти... А выстрел с близкого расстояния, это извините, не по их части...

Значит, не маньяк! Уже легче!

Придя к такому выводу, Марго еще больше ободрилась. Даже с кровати встала, чтобы пройтись по комнате. Особой нужды в этом не было: ни есть, ни писать она не хотела, но Марго решила последовать совету Венеры и поискать ключ от потайной двери. Так, на всякий случай.

Первым делом она открыла ящик трюмо – Афа часами просиживала перед зеркалом, а все самое необходимое любила держать под рукой, то есть в ящике. Чего там только не было: косметика, щетки для волос, бумажные платки, колготки, презервативы, журналы, кассеты, жвачка. Один раз Афа умудрилась затолкать в него надувную подушку для ванны.

Теперь придется повозиться, чтобы найти в этой груде ненужных вещей маленький ключик, – подумала Марго, открывая ящик.

Каково же было ее удивление, когда оказалось, что внутри ничего нет. Ни расчесок, ни помад, ни салфеток, ничего, только одинокая карамелька в самом дальнем углу ящика.

Марго подбежала к гардеробу, распахнула его. Все вешалки, за исключением одной, были пусты. А на той единственной сиротливо болтался кружевной пеньюар с перьями, в который Афа была облачена этой ночью...

Где привычная груда барахла, где роскошные комбинации, кружевные лифчики, ажурные чулки? Где туфли на изящных каблуках?

Ничего нет. Все вещи пропали!

Марго плюхнулась на кровать, схватившись за голову.

Что это значит? Почему вещи Афы исчезли? Кто вынес их из этой комнаты: кто-то посторонний или сама хозяйка?

Тут на Марго накатило озарение: Афа знала, что ее убьют, поэтому решила сбежать, прихватив с собой все свое барахло – она была жуткой тряпичницей, и хищной собственницей, прикипала к вещам настолько, что не могла с ними расстаться.

Хотела сбежать, но не успела...

Марго опять схватила подушку, чтобы накрыть ею голову, но от волнения зацепила ее вместе с покрывалом, рванула на себя. Покрывало, заправленное под матрац, потянуло за собой одеяло, простыню, оставшиеся подушки. И через секунду Марго свалилась на пол вместе со всем убранством кровати, накрытая сверху полосатым матрацем.

Выбравшись из-под шелково-пуховых баррикад и отдышавшись, Марго улыбнулась. Вот корова! Только въехала в апартаменты, а уже кровать разгромила! Если так пойдет, то к концу срока заточения от комнаты останутся одни руины!

Еще раз хихикнув, Марго схватилась за край кровати, чтобы встать, и тут увидела, что на ее деревянном днище лежит бумажка. Ценник, что ли, из матраца выпал? Или инструкция по эксплуатации, говорят, иностранцы любят прилагать их даже к туалетной бумаге... Марго протянула руку, взяла бумажку. Это был обрывок газеты: правый верхний угол первой страницы (были видны дата и номер выпуска, дата, кстати, стояла вчерашняя). Ну и зачем Афа спрятала этот обрывок под матрац? На случай, если в стране кончится туалетная бумага?

Марго перевернула находку на другую сторону. И обнаружила нечто интересное. На белом пространстве – тех пяти сантиметрах, которые не покрыты типографской краской – мелким неразборчивым почерком было написано несколько предложений.

Чтобы прочитать их, Марго пришлось включить настольную лампу и напрячь зрение. Оказалось, что на обрывке газеты написано следующее: «Тебе угрожает страшная опасность! Эта сука что-то заподозрила! Подробнее расскажу при встрече. Встретимся сегодня у тебя в три часа. Будь одна. Если опоздаю, подожди. Дверь не запирай. До свидания». В конце сего послания стояла замысловатая закорючка, наверное, подпись. И больше ничего.

Значит, Афе на самом деле грозила опасность! И кто-то из девочек об этом знал! Но откуда? Кто? И к чему эти игры в шпионов? Зачем наводить тень на плетень? Можно было просто отвести Афу в сторону, и рас...

Вдруг сердце Марго бухнуло и заколотилось. Она поняла «зачем»! Кто-то из девочек написал эту записку, чтобы заманить Афу в ловушку! А затем убить!

## Митрофан

Митрофан вернулся домой в восьмом часу вечера. Он был измотан, голоден, зол. И если с усталостью можно побороться, приняв контрастный душ, а с голодом справиться при помощи отцовского рассольника, то злость невозможно было заглушить ничем!

Рванув с плеч ветровку, Митрофан прошествовал на кухню. Окатив руки под краном, он взял кастрюлю с еще теплым супом и начал хлебать его, не отходя от плиты, черпая густой рассольник половником. К черту ложки, тарелки, салфетки! К черту все!

Наевшись, Митрофан плюхнулся на табурет в углу кухни, бросил на подоконник папку с делом (до этого он держал ее подмышкой), прислонился затылком к холодной стене. Успокоиться, надо успокоиться, иначе давление подскочит до ста восьмидесяти, и завтра он не сможет встать с кровати... Хм... А это, пожалуй, наилучший выход... Заболеть, чтоб это поганое дело взял кто-нибудь другой! Чтобы кто-то, а не старший следователь Голушко, рылся в грязном проституточном белье! Заболеть, а выздороветь только тогда, когда убийца двуликой красотки будет найден...

Но Митрофан знал, что никогда так не сделает – никогда не спихнет на другого начатое дело. И даже если завтра его давление зашкалит за сто восемьдесят, он все равно пойдет (поползет) на работу и будет разбираться в этом поганом деле!

Митрофан покосился на папку, раздумывая, почитать материалы или нет, но решил, что не стоит – он и так знал *все*, что там имелось. И это *все* было даже хуже, чем они с Лехой предполагали.

Итак, Людмила Ильинична Харитоновна была элитной проституткой по кличке Афродита. Несколько лет (с двухгодичным перерывом на командировку в Германию) трудилась в борделе «Экзотик», действующим под вывеской «Клуб по интересам». Бордель сей держит бывшая путана Мадам Бовари... Мадам Бовари! Надо же! Митрофана всегда поражала тяга проститутки к громким иностранным именам. Все они, даже вокзальные шалавы, желали именоваться Эльвирами, Анжеликами, Симонами. Особо наглые называли себя Клеопатрами и Жозефинами. А среди бандерш были очень популярны клички с титулами: Маркиза Помпадур, Леди Винтер, Королева Шантеклера...

Тьфу на них! Не будем отвлекаться! – одернул себя Митрофан. – Вернемся лучше к Мадам Бовари!

Открыла гражданка Мышкина (по паспорту именно Мышкина) свой притон в 1999 году при поддержке мужа Мышкина Алексея Сидоровича по кличке Моцарт. Сей господин, очень известный в криминальных кругах вор, ныне отбывает семилетний срок в известной по песне Круга Владимирской тюрьме. Покойная Афродита когда-то была любовницей Моцарта и общалась с ним очень близко. Даже в день ареста была при нем. Не пострадала при перестрелке только потому, что спряталась за свою подругу, погибшую в тот же день под пулями...

Эти факты стали известны старшему следователю Голушко из разговора с коллегой – капитаном Ленским, в свое время занимавшимся делом Моцарта. От него же он узнал о том, что «Экзотик» не просто бордель, а элитный бордель, клиентом которого можно стать только по рекомендации одного из постоянных гостей. Мало того, «Экзотик» указан в секс-путеводителе по России, и славится своими девочками не только в родном городе, регионе, стране, но и за границей. При этом деятельность борделя так законспирирована, а Мадам Бовари так тщательно хранит секреты (свои, своих проституток, клиентов, покровителей), что никто толком не знает, сколько человек на нее работает, сколько она платит за законную крышу (в криминальной крыше жена Моцарта не нуждается) и кому...

Естественно, в международное гнездо разврата под названием «Экзотик» придется идти ему, Митрофану Голушко – больше некому! И идти надо завтра, чтобы времени не терять.

А хуже всего то, что эта стреляная воробыха Мадам Бовари терпеть не может ментов, засадивших ее драгоценного муженька за решетку, поэтому на разговор по душам можно не рассчитывать.

Пока Митрофан размышлял на эти далеко не приятные темы, время перевалило за девять. Скоро спать – а отца еще нет! Как пить дать, у очередной дамы сердца завис... С ним такое иногда бывало. Конечно, теперь Базиль не тот ходок, что раньше, но даже в неполные семьдесят лет старший Голушко был весьма активен. Секс раз в неделю – это обязательно! По мнению Базиля, именно регулярные занятия любовью позволяют сохранить молодость и здоровье. Секс, а не раздельное питание, голодание, отказ от табака, алкоголя, холестерина! Об этом он постоянно твердил сыну, надеясь, что тот закончит, наконец, влачить монашеское существование и заведет постоянную любовницу. Эх, если бы отец знал, что у Мити не бывает даже случайных женщин, он пришел бы в ужас! Ему не понять, что Митрофан так обжегся на кипятке, что теперь на воду дует...

Под кипятком младший Голушко подразумевал свою бывшую супругу Сонечку, жизнь с которой до сих пор представлялась Митрофану сплошным кошмаром! Полугодичным кошмаром! Главное, Митрофан сам не мог понять, что его так ужасало в Соне. Жена не делала ничего, что могло бы взбесить любого другого мужчину. Более того, она выполняла свои женские обязанности с большой охотой и душой (за исключением супружеских – ночами она любила декламировать стихи, так что на любовь времени не оставалось!), старалась угодить, развлечь, посочувствовать. Но почему-то именно эта готовность услужить, эта мягкость, эта правильность его бесили больше всего! А еще он ненавидел ее пироги! Каждый вечер, поглощая Сонино печево, он мечтал об отцовских супах, незамысловатых запеканках, макаронах по-флотски...

Каждую ночь грезил о спокойном сне, без звукового сопровождения.

Каждое утро, собираясь на работу, он представлял себе, как вернется вечером домой, а Сони нет – ушла. Не важно, куда: в монастырь, к маме, к другому... Только бы ее не было в его квартире!

Но его мечты не сбывались – жена по-прежнему встречала Митю вечерами у двери, кормила пирогами, делилась своими дурацкими новостями, читала вслух газеты, комментировала фильмы. Трещала, трещала, трещала, не замолкая даже в кровати!

Митрофану стало казаться, что он попал в ад! Однако ему даже в голову не приходило, что есть простой выход из ада – развод! Патологически порядочный, жутко несовременный, совестливый, ответственный, честный Митя считал, что раз он лишил девушку невинности, то обязан на ней жениться. А коль женился, должен жить, неся этот крест до конца своих дней... Так бы и нес, если бы не отец! Спасибо ему, вовремя вмешался – вдолбил дураку, что развод единственный выход. Иначе Митрофан либо в психушку бы угодил, либо в тюрьму – за непредумышленное убийство жены...

Теперь старший следователь Голушко холостяк. Счастливый холостяк. Только одинокий. Потому что по-прежнему порядочный и несовременный. И считает так: раз он больше не хочет жениться, значит, незачем заводить отношения с порядочными женщинами. А с непорядочной, то есть проституткой, Митрофан не смог бы переспать даже под дулом пистолета...

Финальную точку в его размышлениях поставил хлопок входной двери – это вернулся отец.

– Папа, ты? – прокричал Митрофан, вставая с табурета и зажигая газ под кастрюлей с рассольником.

– Я, кто ж еще, – проворчал Базиль от двери.

– Суп будешь?

– Буду, я голоден...

Базиль вошел в кухню, мельком глянул в раковину и покачал головой:

– Опять из кастрюли лопал? Неужели нельзя в тарелку налить?

– Я наливал...

– Не ври уж! Если бы наливал, то грязная тарелка сейчас бы в мойке стояла... – Отец подошел к плите, поправил косо лежащую на кастрюле крышку. – Неаккуратный ты, Митя, просто какой-то кошмар! Вот умру я, кто будет за тобой убирать? Грязью ведь зарастешь...

Митрофан чмокнул отца в сухую щеку, чтоб тот перестал бурчать.

– Или от гастрита загнешься! – уже более миролюбиво продолжил Базиль. – Жрешь всякую гадость! Мюсли какие-то, сыр с тухлятиной...

– С плесенью.

– Один черт! – Отец достал из холодильника овальную тарелку, на которой была красиво уложена селедка, посыпанная кольцами лука. – Вот что есть надо! Да с жареной картошечкой, да под водочку! Будешь?

– Селедку буду, а водку нет.

– Ну и дурак, – беззлобно сказал Василий, наливая себе в пятидесятиграммовую стопку водки. – Алкоголь, знаешь, какой полезный! Особенно в малых дозах...

– Папа, я твоих лекций относительно полезности всяких вредных продуктов прослушал уже не мало, так что давай спокойно поедим...

– Вредных продуктов, – передразнил сына Базиль. – Плесень, значит, полезна, а чистой хлебная водка нет?

– Нет.

Базиль раздраженно махнул рукой и залпом выпил свои пятьдесят граммов. Крякнул, занюхал луком, посидел несколько секунд неподвижно, потом отправил в рот кусок селедки, одно колечко репчатого и со вкусом и хрустом стал жевать...

– Ты где был? – спросил Митрофан, вяло обкусывая ломоть батона – отец всегда нарезал огромные куски, говорил «большому куску рот радуется. – У своей драгоценной подружки Аделаиды?

– Нет, соседскую кошку с дерева снимал... Она, дура, забралась на самый верх, а слезть не могла...

– Ты что же, за ней на дерево полез?

– А что такого?

– Надо было кого помоложе попросить...

– Вас допросишься! Одному некогда, второй высоты боится, третьему пузо мешает... А у меня время есть, а остального нет, вот я и полез... – Базиль задрал рукав рубашки, продемонстрировав свежую царапину на запястье. – Видал! Боевые раны!

– Надо обработать перекисью, – беспокоился Митя.

– Уже обработали, не бойсь, – Базиль, видя недоумение на лице сына, пояснил с улыбкой. – Хозяйка кошки... Очень заботливой женщиной оказалась...

– Папа, ты неисправим! – простонал Митрофан.

– Ты тоже, – Базиль кивнул головой на подоконник. – Дело домой приволок? Опять всю ночь будешь рапорты читать и на жмуриков пялиться?

– Нет, не буду. Меня от этого дела уже тошнит...

– Сегодняшнее?

– Да, будь оно неладно!

– Успехи есть?

– Какие успехи! – Митрофан отбросил обкусанный кусок батона. – Один сплошной гемморрой!

– С охранником со стоянки разговаривали?

– Он сменился в восемь утра, следующее дежурство только послезавтра.

– А домой к нему сходить не судьба?

– Знал бы еще кто, где его дом... Там сторожа без оформления работают. Пришел, отси-  
дел ночь, двести рублей получил – свободен.

– А попрошайки церковные что-нибудь интересное рассказали?

– Нет. Они приходят к церкви к восьми, а убийство произошло ранним утром, где-то в  
четыре...

Базиль задумчиво кивнул, потом нахмурился и ворчливо сказал:

– Вот ты, Митя, меня всегда ругаешь за то, что я в твои дела вмешиваюсь. Только зря ты  
так! Мое вмешательство тоже иногда может пользу принести...

– Не пойму я, папа, к чему ты клонишь, – с подозрением протянул Митрофан.

– А клоню я к тому, что не послушал тебя – побеседовал с одним из этой банды...

– Папа! – вскричал Митя возмущенно.

– Почти сорок лет папа! И не ори на меня!

– Прости, орать не буду... Но ты не должен был...

– Должен, не должен, это уже не важно... Главное, я узнал то, чего не смогли узнать вы! –

Базиль хмуро посмотрел на сына и спросил: – Тебе интересно, что именно?

Митрофан прикрыл глаза ладонью, вздохнул и после паузы произнес:

– Я слушаю.

– Около четырех утра мимо церковного забора по направлению к дому, в котором  
произошло убийство, проехала машина. Она остановилась в кустах, не доезжая до подъезда  
несколько метров. Из нее кто-то вышел, поставил автомобиль на сигнализацию (был слышен  
характерный «пик») и удалился, шурша ветками. Вернулся к своей машине этот *кто-то* через  
десять минут. Тут же сел и уехал.

– *Кто-то* был мужского или женского рода?

– Неизвестно. Человек, рассказавший мне это, живет в деревянном сарае на заднем дворе  
церкви. Шуршание шин и шум мотора его разбудили. Сквозь сон он услышал, как хлопнула  
дверь, включилась сигнализация. Он выглянул. Но увидел только удаляющийся силуэт. Уснул  
не сразу, поэтому засек время, когда наш ночной ковбой вернулся. Произошло это, как я уже  
говорил, через десять минут...

– Марка машины?

– В марках этот человек не разбирается.

– Нашу от иномарки хотя бы отличает?

– Для него наши – «Москвич 412» и «Жигули» первой моделей. Остальные импортные.  
Та, что была ночью, по его мнению, иномарка... – Базиль развел руками, как бы извиняясь  
за такого свидетеля. – Негусто, я понимаю, но, может, это хоть как-то пригодится... Да, еще  
забыл сказать: машина была черной или темно-синей, но не желтой...

– А при чем тут жел... Та-а-а-к, незнакомка на «Фольксвагене» не дает покоя?

– Она, между прочим, подъезжала к дому в то время, когда вы там суетились... Наблю-  
дала из машины за происходящим. Расспрашивала бомжей о случившемся! Одному даже пят-  
надцать рублей дала, чтоб тот за упокой души погибшей выпил!

С лица Митрофана сползло скупливое выражение, взгляд стал острым, внимательным.

– Что еще? – спросил он заинтересованно.

– Желтый «Фольксваген» эти ребята и до этого видели – за последний месяц он не раз  
проезжал мимо церкви. За рулем всегда была девушка, судя по описанию, именно та, о которой  
я тебе говорил, – Базиль вопросительно посмотрел на сына. – Подруга, как думаешь?

– Скорее всего... – Митрофан в задумчивости стал теревать свой запорожский ус. – Ско-  
рее всего, не просто подруга, а гостя...

– Что ты имеешь в виду?

– С покойной в квартире проживал еще кто-то... Девушка, если быть точным, или моло-  
дая женщина.

– Соседка по квартире?

– Нет, Харитоновна жила одна, на этом настаивают соседи, но по моим наблюдениям, у нее гостила другая девушка. Потому что в квартире найдена женская одежда двух размеров: 46 и 42-го, в ванной стоят два вида шампуня: для сухих и для жирных волос. Косметика и средства по уходу за лицом также в парном варианте: на одном столике стоят дорогие французские крема, на другом народные средства, типа настоек... – Митрофан так увлекся повествованием, что не заметил, как стал выдирать из своего уса волоски. – Гостья появилась в доме недавно, это ясно, иначе соседи бы ее запомнили. Скорее всего, она коллега Афродиты...

– А это кто такая? – не понял Базиль.

– Это гражданка Харитоновна.

– У покойной был псевдоним? Так она кто? Певица?

– Она проститутка.

Базиль присвистнул.

– Да, папа, проститутка. – Митя конфузливо улыбнулся и добавил: – Проститука-гермафродит...

Базиль еще раз свистнул, теперь громче, и заметил:

– В наше время таких не было...

– А теперь, оказывается, есть... Как сказал всезнающий Ротшильд, они пользуются бешеным спросом. В порнобизнесе и в сфере интим-услуг просто нарасхват! – Митрофан покачал головой, явно выражая удивление такому положению дел. – Наша Афродита трудилась в элитном борделе «Экзотик»!

– И ты считаешь, что та девушка на желтом «Фольксвагене» ее коллега?

– Думаю, да.

– А я думаю – нет! Знаешь, какое у нее лицо? – Базиль закатил глаза, придумывая эпитет. – Оно... как на иконе! Одухотворенное! Безупречно красивое! Женщина с таким лицом не может...

– Может, папа, может, – заверил отца Митрофан. – Сейчас у проституток именно такие лица. Они, мой дорогой, зарабатывают за ночь чуть меньше, чем я, старший следователь с высшим юридическим, за месяц! – Он гневно сверкнул глазами, но тут же взял себя в руки и более спокойно продолжил: – Конечно, я могу ошибаться. Быть может, эта девушка тележурналистка, модель, актриса... Или продавщица из магазина женского белья – у покойной все шкафы им забиты... Это не важно! Важное другое: почему она сбежала, когда увидела, что у подъезда полно милиции? Почему не подошла узнать, не ее ли подруга пострадала? Ведь это так естественно!

– Она боится милиции, что тоже естественно... – возразил Базиль.

– Это противоестественно! Людям с чистой совестью нечего бояться! – Митрофан поднял указательный палец к потолку и отчеканил: – Значит, совесть у нее не чиста!

– Может, она в третьем классе украла в магазине булочку? И теперь у нее страх перед милицией?

– Она скрылась, потому что: а) знает, кто убийца, но не хочет его выдавать, б) в сговоре с убийцей и в) сама убийца... Выбери нужный пункт!

– Первый мне нравится больше, – пробормотал Базиль.

– Мне тоже. – Митрофан подпер подбородок двумя кулаками и стал размышлять вслух. – Убийство похоже на умышленное. Если бы наша незнакомка задумала застрелить свою подругу, она, наверняка, избавилась бы от улики: своих вещей, косметики. Не мелькала бы на приметной машине, не рисовалась бы перед подъездом – то, что я ее не заметил, чистая случайность... – Он нахмурился. – Но в любом случае, эта девушка мне нужна. Надо ее обязательно разыскать. Завтра в ГИБДД позвоню, пусть дадут адреса и телефоны всех владельцев желтых «жуков», их, наверняка, не так много...



– Машина новая. Скорее всего, из салона.

– Вот и хорошо, – Митрофан широко зевнул. – Устал я что-то... Спать пойду...

– Иди, сынок, отдыхай, – засуетился Базиль. – А я тут посуду помою. Тебе завтра курочки отварю... Иди, спи!

– Спокойной ночи, – еще раз зевнув, проговорил Митрофан. – И спасибо за рассольник!

Они расцеловались, и Митрофан пошел в свою комнату – когда он уставал, то ложился, даже не почистив зубы. Стоило ему добраться до кровати, как сон сморил его, и уже через минуту по квартире разнесся раскатистый храп.

В тот же миг суетящийся у раковины Базиль отбросил полотенце, зашвырнул не вытертую ложку в ящик, метнулся к подоконнику, схватил папку с делом и, сунув ее под мышку, направился в свою комнату – ему очень хотелось посмотреть на проститутку-гермафродита. Ведь в его времена таких не было!

## Марго

### *День второй*

Ночь была бессонной! Марго ворочалась с боку на бок, несколько раз бегала в туалет, то и дело пила воду из-под крана, вставала, ложилась, пряталась под одеяло, взбивала подушки, сбрасывала их, короче совершала массу суетливых действий вместо того, чтобы спать! Кто бы знал, как ей хотелось забыться в объятиях Морфея, кто бы знал, сколько отар баранов она пересчитала, пока поняла, что сегодняшнюю ночь ей придется провести, бодрствуя. Конечно, она сама виновата – выпалась днем! Легла в двенадцать, а встала только за полночь...

После обнаружения той злополучной записки под матрацем, Марго как с ума сошла. Ей стало чудиться, что в потайную дверь кто-то скребется, примерещилось, будто в окне мелькает чья-то тень, ей слышались странные звуки, скрипы, стоны, казалось, что повсюду ее подстерегает опасность... Короче говоря, за какой-то час у нее развилась самая настоящая мания преследования! Марго знала, что с маниями обычно борются при помощи психотропных препаратов и шокотерапии, но ничего похожего под рукой не было, поэтому она решила справиться со своей фобией проверенным средством: сжевала десять таблеток валерианки, затем накрылась с головой одеялом и уснула. Сон всегда помогал Марго прийти в себя...

И на самом деле, пробудившись, она уже не чувствовала себя столь уязвимой. И страхи отступили, одно плохо – ночь пришлось провести, слоняясь между комнатой и туалетом. Можно было, конечно, спуститься в кухню, поболтать со свободными девочками, попить кофейку, но пока она была к этому не готова... Глаза всегда ее выдавали, вдруг та, что убила Афу, увидев в них страх и подозрительность, решит, что Марго все знает, и... выпустит две пули теперь уже в ее грудь. Нет уж! Лучше сидеть в комнате, дуя неочищенную воду из-под крана, чем погибать ни за грош!

К счастью, под утро Марго удалось забыться сном. Проспала она недолго, но когда открыла глаза, за окном уже было светло, и при свете нового дня на нее снизошло озарение! Почему она решила, что записку написал кто-то из девочек? Быть может, это один из клиентов. Прошлой ночью Афа приняла троих, двое из них были постоянными. Наверняка, один из этих типов и был повинен в смерти Афродиты...

Придя к такому выводу, Марго бодро встала с кровати, приняла душ, причесалась, оделась и собралась спуститься в кухню – есть хотелось ужасно. Она уже взялась за ручку двери, потянула ее вниз, но резко отдернула руку, отступила... Глупая башка! Разве можно так сразу выходить? Ты же в подполье! Вдруг именно сейчас в бордель нагрянули менты. И тут им такой подарок, бесценная свидетельница Маргарита Катаева... Да, теперь она себя воспринимала именно так, потому что со вчерашнего дня обзавелась таким багажом сведений о покойной Афродите, что из просто свидетельницы стала бесценной. Если менты до нее доберутся, она выложит им все: и о шантаже, и о Конне, и о записке под матрацем. Она не такая железобетонная, как Мадам, не такая хитрая, как Венера! Она слабая, пугливая, быстро теряющаяся... Ее даже пытать не надо, достаточно только прикрикнуть, она тут же все расскажет! Помнится в детстве, когда читала «Молодую гвардию», она дико завидовала героям, вернее, не им самим (чего им завидовать – убили же всех), а их характеру и силе воле, сама она стала бы предательницей на первом же допросе. Или по пути на допрос – в коридоре! Потом бы, естественно, повесилась на собственном лифчике, не выдержав позора, но это уже никого бы не тронуло...

Постояв в нерешительности у двери, Марго сообразила, что следует посмотреть в потайное окошко: из него можно обозреть не только зал, но и часть коридора. Если путь свободен, она прошмыгнет в кухню. Порадовавшись своей сообразительности, Марго отдернула портьеру и выглянула в коридор.

Так-с. Лестница пуста. Зал тоже. А коридор? Оп-па! Мадам впускает какого-то мужика... Марго придвинула лицо вплотную к стеклу, всматриваясь, и тут же отпрянула в страхе – в зал вошел знакомый лысый мент с моржовыми усами...

Мрачные пророчества начали сбываться!

Марго опять прилипла к стеклу, проследила за тем, как Мадам провела гостя к дивану, усадила его, а сама села в кресло напротив. Мент заговорил, на лице хозяйки появилось брезгливое выражение, значит, он начал ее расспрашивать об Афе. О-о, много бы Марго отдала, чтобы подслушать их разговор! Но дверь была закрыта очень плотно, а приоткрывать ее она не решалась – вдруг скрипнет...

От расстройства Марго чуть не заплакала, но от окна не отлипла, хотела посмотреть немое кино. А так как во время сеанса принято сидеть, она потянулась за пуфиком, который стоял рядом с трюмо, но, как всегда, потеряла равновесие и грохнулась, больно стукнувшись лбом о потайную дверь.

– Что там у вас падает? – раздался приглушенный бас.

– Повариха Катя, наверное, кастрюлю уронила, – ответила Мадам таким же далеким сопрано.

Марго схватилась за голову – она решила, что от удара у нее начались слуховые галлюцинации.

– Смогу я потом с ней поговорить?

– Катя корейка. Она хорошо понимает по-русски, но практически не говорит. Так «позалуйста» и «доблый вецер»... Если хотите, попробуйте ее допросить, но не думаю, что у вас получится...

Только тут до Марго дошло, что голоса ей не мерещатся, она слышит их через замочную скважину маленькой дверки, видимо, потайной ход ведет в зал, или имеет там слуховое окно... Изобретательным мужиком был этот Моцарт! Все предусмотрел!

Марго прижалась ухом к замочной скважине, замерев, стала слушать.

– Кроме вас и поварихи, в особняке есть кто-то еще?

– Есть охранник Саша. Больше никого.

– На стоянке три машины, кому они принадлежат?

– «Мерседес» мой, «девятка» Сашина, «Фольксваген» одного нашего гостя...

Сердце Марго дрогнуло – неужели разговор идет о ее «жуке»? Но мадам же обещала отогнать его!

– «Фольксваген-поло» зарегистрирован на Крайнова Петра Ивановича, хозяина казино «Алиса», я узнавал в ГИБДД... – буркнул следователь. – Он ваш клиент?

– Гость, – поправила Мадам. – «Экзотик» – клуб по интересам. Здесь бывают только гости...

– И чем же занимаются ваши гости?

– Спиритизмом, например...

– Стриптизом?

– Спи-ри-тиз-мом.

– Крутят тарелочки и вызывают духов?

– Это противозаконно? – спросила Мадам ледяным тоном.

– Нет, конечно...

– Мы интересуемся всеми паранормальными вещами... Читаем статьи об уфологии, изучаем фотографии НЛО, смотрим фильмы о снежном человеке...

– Гражданка Харитонова в таком фильме исполняла главную роль? – насмешливо спросил следователь. – Насколько я знаю, она снималась в нескольких картинах...

– До того как прийти в наш клуб, Афочка была порноактрисой, я знаю об этом и не осуждаю... Просто тогда она еще не открыла в себе таланта!

– Какого таланта?

Повисла пауза. Но не потому, что Мадам не знала, что ответить, просто она любила театральные эффекты.

– Вы ответите? – забеспокоился мент. – Или мне самому догадаться?

– Афродита – медиум! Очень сильный...

Раздался оглушительный хохот – это смеялся следователь, расценивший заявление Мадам как остроумную шутку.

– Зря смеетесь, – спокойно заявила та. – У Афы были колоссальные возможности. Она одна могла вызвать дух Калигулы! Остальные девочки дотягивались только до Наполеона...

– Остальные тоже медиумы?

– Конечно. Только я белая колдунья.

– Вы издеваетесь?

– Как можно! – притворно возмутилась Мадам. – Я никогда бы не посмела издеваться над слугой закона...

Повисла еще одна пауза, теперь молчал следователь, Марго думалось, что в эти секунды он боролся с гневом.

– Вас еще что-то интересует? – приторно-ласково спросила Мадам.

– У Афродиты были враги?

– У кого их нет...

– Как она вела себя в последнее время? Опасалась ли чего? Нервничала?

– Нет, я ничего такого не заметила...

– Можете назвать имя ее любовника?

– Я не лезу в жизнь своих девочек! Мне даже неизвестно, был ли он у нее...

– С кем она дружила?

– У нее со всеми были ровные отношения.

– С кем жила?

– Одна.

– Вы уверены?

– Нет, как я уже говорила, у меня нет привычки лезть в лич...

– У нее был ребенок?

– Ребенок? – Мадам совершенно искренне удивилась. – Какой еще ребенок?

– Девочка. Лет восьми.

– Не было у нее детей. Она, видите ли, не способна была зачать...

– Может, племянница?

– Нет, Афа вообще детей не любила.

– В котором часу она покинула заведение вчерашней ночью?

– В два, кажется. Она уехала самая первая. Сказала, что ей нездоровится...

– Адреса других девочек у вас есть?

– Нет, мне они не нужны...

– Она работают у вас без оформления?

– У меня работают охранник, садовник и повариха. Девочки помогают мне из личных симпатий...

– Здесь с десятков комнат, ими пользуются?

– Да, это отдельные кабинеты, в них любой гость может отдохнуть...

– Они открыты?

– Нет, они открываются только вечером...

– Ключи у вас?

– Я предоставляю их вам сразу, как только увижу ордер на обыск...

– Крепкий вы орешек, Мадам Бовари!

- У вас все, Митрофан Васильевич?
- Вы запомнили мое имя...
- У меня хорошая память.
- Тогда, может, вспомните еще что-нибудь...
- Как только вспомню, незамедлительно вам позвоню... Вы ведь оставите свою визитку?
- Конечно, обязательно...

Марго метнулась к окну, ей интересно было посмотреть на выражение лица замороченного хозяйкой следователя. Как пить дать, кислое...

Она не ошиблась – краснощекая физиономия Митрофана Васильевича стала просто пунцовой, уголки губ опустились вниз, вместе с усами и уголками глаз. Бедняга! Марго даже стало его жалко...

Следователь и Мадам вежливо распрощались, она проводила его до двери. Затем вернулась в зал, постояла немного, о чем-то напряженно размышляя, затем задрала голову и крикнула:

- Выходи, подпольщица, хватит прятаться – опасность миновала!

Марго осторожно высунулась из-за двери.

- Вы уверены, что он ушел?

– Конечно, не ушел. Сейчас он в саду терзает Саню... Только наш охранник вряд ли ему поможет: он новенький, глупенький и ненаблюдательный. – Она махнула рукой, приглашая Марго спуститься. – Ты что ли недавно громыкала?

- Я.

– Била в литавры по случаю прихода в нашу скромную обитель старшего следователя Голушко? – насмешливо спросила Мадам.

- Нет, я с пуфика упала...

- Это от голода. Почему за весь вчерашний день даже поесть не спускалась?

- Аппетита не было...

- Катя, – зычно позвала Мадам. – Иди сюда...

Повариха тут же примчалась на зов.

- Принеси Маргоше чего-нибудь поесть.

- И кофе...

- Кофе молоть надо, – на чистом русском доложила Катя. – Подождешь?

Марго кивнула, а когда Катя скрылась на кухне, спросила у Мадам:

- А вы куда мою машину спрятали?

- В свой старый гараж отогнала. Не бойсь!

- Да-а, – насупившись, протянула Марго. – А если этот Голушко с ордером придет?

- Не придет.

- Вы так уверены?

- Помнишь Афиного клиента, который называл себя Элефантом?

– Конечно, помню, он любил, когда она ставила его в угол гостиной и ругала при всех матом!

- Он прокурор.

- Он? Прокурор? – обалдела Марго. – Но он же больной!

– Он просто человек со странностями, – сдержанно улыбнулась хозяйка. – А странности есть у всех...

- Да уж! Особенно у наших клиентов! Каждый второй со сдвигом...

– Мужики вообще существа странные, а те, что при положении и деньгах – особенно. Они пресыщены, развращены властью, избалованы женщинами... Им скучно. Все, что можно было увидеть и испытать, они уже видели и испытали... Вот взять, например, моего супруга... Рассказывали тебе, наверное, о моем Моцарте? – Когда Марго кивнула, Мадам продолжила: –

Так вот он всю жизнь до баб был большой охотник. Силы в нем мужской было – немерено! Заводился с полоборота – стоило пятку голую показать. И с похмелью, и пьяный в дым – всегда мог! Но как только из простого вора превратился в большую шишку, изменился мой Мотя до неузнаваемости. Теперь ему не то что пятка, хоть наизнанку вывернись – не поможет. Подавай ему всякие извращения, тайские массажи, игры, приамбасы из секс-шопа. Даже девочек обычных ему не надо – только гермафродитов... – Мадам развела своими ухоженными руками. – А где я ему теперь их возьму? И Афу, и Кики пришили...

– Кики была такая же?

– Да. Они с Афой до того, как ко мне пришли, в паре работали... Мой Мотя их в каком-то занюханном заведении откопал, они в пип-шоу выступали, настоял, чтобы я их в «Экзотик» взяла – нравилось ему за ними наблюдать... – Она сморщилась. – Да он вообще подглядывать любил, чего уж тут скрывать...

– Говорят, он хотел во всех комнатах фальшивых зеркал навешать?

– Хотел, даже стекла заказал, да не успел – упекли его! – Мадам опять сморщила нос – у нее вообще была богатая мимика. – Ничего моего Моцарта не спасло: ни фальшивые зеркала, ни потайные двери...

– Так вот она зачем! Чтобы вовремя скрыться от милиции!

– Да... И самое удивительное, что дом нам достался уже с потайным ходом!

– Да ну? – не поверила Марго.

– Этот особняк супруг купил в 1998 году. Дом был в плохом состоянии – обветшалый, дряхлый, много десятилетий не отремонтированный. Пришлось архитектора нанимать, дизайнера, маляров всяких. Когда стали перепланировку делать, оказалось, что в доме есть потайной ход... Как потом выяснилось, построил этот особняк ровно сто лет назад один контрабандист. Кажется, фамилия его была Пчелкин... Или Пчелов, а, может, Пчелин, не помню... Жил, естественно, этот Пчелов как на вулкане – боялся ареста, боялся дружков-подельников, поэтому придумал сделать потайной ход, чтобы в случае чего вовремя сбежать. – Мадам хихикнула, прикрыв рот ладошкой. – Но в чем заключается ирония судьбы... Потайной ход его не только не спас, но погубил, так как, убегая от полиции, Пчелов-Пчелин свалился со ступенек и сломал шею...

– Откуда вы все это знаете?

– Моцарт, когда ход обнаружил, очень историей дома заинтересовался. Даже какого-то краеведа нанял, чтобы тот в архивах покопался... И знаешь, оказалось, что у этого особняка были очень примечательные владельцы!

Мадам протянула руку, отодвинула одну из портьер (весь зал был задрапирован бархатом, это должно было создавать интимный полумрак даже днем) и продемонстрировала Марго небольшое слуховое окно в стене.

– Видишь это? Второй хозяин понатыкал таких по всему дому, чтобы подслушивать, что о нем говорят его наследники... Он был стар, богат и подозрителен... Тоже погиб! Умер от удушья – запутался в занавеске, когда подслушивал разговоры родственников! Между прочим, эти окна Моцарт нашел даже более полезными, нежели тайный ход. Он часто приводил в «Экзотик» компаньонов, дружков, а потом слушал, что они о нем говорят... – Она задернула портьеру, поправила ее, чтобы висела красиво. – После революции в особняке поселился какой-то партийный босс. Он тоже пользовался дарами прежних владельцев...

– Тоже погиб?

– Застрелился, когда из разговора двух друзей узнал, что его жена наставляет ему рога с половиной города, включая этих двоих... – Мадам с сожалением вздохнула. – На этом рогоносце все интересное закончилось... Во времена НЭПа тут был притон, в войну склад боеприпасов, после нее какая-то жилищная контора. В последнее время он вообще стоял заколочен-

ным. Ветшал. Эдакая развалина со следами былой красоты... А теперь посмотри на него! Один из лучших домов города!

Несмотря на то что слушать Мадам было интересно, Марго так и подмывало ее перебить, а все потому, что главный вопрос, ради которого, собственно, она и завела разговор о потайной двери, так и не был задан. Наконец, она решилась.

– Мадам, а ключа от этой двери у вас нет?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.